U 25/796

Ур 25/796

Приложеніе II-е къ „Извѣстіямъ Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ“ за 1879 годъ.

БЫТЪ

ВОТЯКОВЪ САРАПУЛЬСКАГО УѢЗДА,

ВЯТСКОЙ ГУБЕРНІИ.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

члена-сотрудника Казанскаго Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи

В. Кошуринкова,

ШТАТНАГО СМОТРИТЕЛЯ САРАПУЛЬСКАГО УѢЗДНАГО УЧИЛИЩА

КАЗАНЬ.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.
1880.

Д 25
796

Приложеніе II-е къ „Извѣстіямъ Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ“ за 1879 годъ.

БЫТЪ
ВОТЯКОВЪ САРАПУЛЬСКАГО УѢЗДА,
ВЯТСКОЙ ГУБЕРНІИ.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

члена-сотрудника Казанскаго Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи

В. Кошурникова.

ШТАТНАГО СМОТРИТЕЛЯ САРАПУЛЬСКАГО УѢЗДНАГО УЧИЛИЩА.

КАЗАНЬ.
Типографія Императорскаго Университета.
1880.

БИБЛІОТЕКА * М.П.М.

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ. Казань, 8 ноября 1879 г.

Секретарь Общества, профессоръ *Н. Загоскинъ.*

2007056283

I.

Почти по всему притяженію своему отъ сѣвера на югъ—вся западная часть Сарапульскаго уѣзда обитаема Вотяками, народомъ финскаго племени, пермской вѣтви. Всѣхъ Вотяковъ по Сарапульскому уѣзду къ 1-му Января 1879 года состояло 76,213 ч., изъ нихъ 37,072 м. п. и 39,141 ж. п. Когда поселились здѣсь Вотяки (въ лѣтописяхъ *Отяки*), какъ и вообще въ предѣлахъ нынѣшней Вятской губерніи—неизвѣстно. Пришли же они сюда, какъ опредѣляютъ ученые, на основаніи археологическихъ розысканій и филологическихъ данныхъ, изъ Азіи,—гдѣ жили въ отдаленныя отъ насъ времена на Алтайскихъ горахъ и по рѣкѣ Енисею, гдѣ и до настоящаго времени сохранилось названіе *Арскаго* племени, т. е. Вотяковъ.

Римскій историкъ Тацитъ, описывая бытъ финскихъ народовъ, говоритъ, что это былъ народъ дикій, не имѣвшій ни домовъ, ни копей, ни оружія, питавшійся травами, укрывавшійся отъ непогодъ подъ сплетенными вѣтвями, не боявшійся хищныхъ звѣрей и воли боговъ. Весьма вѣроятно, что также жили и Вотяки, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя черты изъ этой характеристики сохранились еще и за современными Вотяками. Такъ они до сихъ поръ любятъ собирать различныя съѣдобныя травы и ѣсть ихъ въ сыромъ и вареномъ видѣ; они до сихъ поръ до страсти любятъ лѣсъ и боготворятъ его, въ немъ мужчины—Вотяки проводятъ большую часть своей жизни; они же въ кереметяхъ своихъ, обыкновенно устраиваемыхъ въ лѣсу, прибѣгаютъ иногда къ переплетанію вѣтвей, съ цѣлью укрываться подъ

ними во время дождя и ненастья, а любимѣйшее занятіе ихъ—плетеніе изъ вицъ различныхъ коробовъ и корзинъ, не есть ли усовершенствованное искуство, перенесенное отъ первобытныхъ жилищъ на предметы хозяйственные?

Историческія свѣдѣнія о Вотякахъ Вятскаго края вообще, и Сарапульскаго въ частности, крайне скудны. Изъ старинныхъ лѣтописей русскихъ, а также изъ лѣтописи препод. Нестора мы знаемъ, что Вотяки исповѣдовали языческую религію: обоготворяли силы природы и покланялись идоламъ Они занимались уже тогда земледѣліемъ и имѣли постоянныя жилища. Въ частности Вотяки, жившіе близъ Вятки, въ VII вѣкѣ имѣли столкновеніе съ Новгородскими выходцами, при чемъ слабо защищались, были побѣждены горстью удальцевъ и оттѣснены по направленію къ Глазову. При этомъ усматриваемъ, что они не были безоружными и беззащитными: употребляли при отраженіи враговъ стрѣлы и пищали (пицалъ), окапывали селидьбы свои и жилища рвами и засѣками. Въ дальнѣйшей судьбѣ своей они испытали тяжесть Монгольскаго ига и потомъ, послѣ покоренія Казанскаго царства Іоанномъ IV, съ соизволенія государя, долго еще вѣдались татарскими князьками, которые держали ихъ въ подчиненіи и чинили надъ ними судъ и расправу. Историческія же свѣдѣнія о Вотякахъ собственно Сарапульскаго края—не восходятъ далѣе начала прошедшаго столѣтія. Вятскій историкъ г. Вечтомовъ говоритъ, что всѣ Вотяки, жившіе на правомъ берегу р. Камы, жили почти внѣ зависимости отъ русскаго правительства и при малѣйшемъ ограниченіи ихъ свободы толпами бѣжали за рѣку Каму для соединенія съ бунтовавшими тогда Башкирцами. Дѣйствительно, въ 1705-мъ году они принимали участіе въ первомъ вооруженномъ возстаніи Башкирцевъ вмѣстѣ съ Татарами и Черемисами (1). Для удержанія Сарапульскихъ Вотяковъ въ границахъ ихъ поселенія, русское правительство прибѣгло къ устройству крѣпостей въ Елабугѣ и Сарапулѣ въ 1707 году,—и тогда же почти приступило къ переписи ихъ (2). Первая перепись

(1) Өирсовъ. Инородч. населеніе прежн. Казан. царства въ новой Россіи до 1762 г. К. 1869.

(2) Вечтомовъ У него же заимствованы и нижеслѣдующія истор. свѣдѣнія.

Сарапульскихъ Вотяковъ была произведена въ 1717 году, а въ 1823 году они уже были привлечены къ отбыванію податной повинности. Почти одновременно съ этимъ началось и обращеніе ихъ въ православіе; отъ Казанской Конторы Иновѣрческихъ Дѣлъ посылались сюда миссіонеры, обязанные обращенныхъ изъ язычества Вотяковъ представлять для совершенія надъ ними таинства св. Крещенія въ Казань, а оттуда возвращать въ мѣста ихъ жительства черезъ провинціальную канцелярію. Принявшіе православіе Вотяки пользовались льготами,—освобожденіемъ отъ рекрутской повинности и отъ взноса податей. Кромѣ того они поручались попеченію опекуновъ изъ свѣтскихъ властей, обязанныхъ защищать ихъ отъ притѣсненій и обидъ своихъ необращенныхъ въ православіе единоплеменниковъ. Въ дѣлѣ обращенія къ православію Вотяковъ весьма много потрудился по Вятскому краю преосвящ. Веніаминъ, прибывшій въ Вятку въ 1739 г. Ему содѣйствовалъ при этомъ священникъ Ившинъ, который въ теченіи 7-ми лѣтъ обратилъ въ православіе 2000 человѣкъ. Первыя двѣ церкви для новокрещенныхъ Вотяковъ Сарапульскаго края были построены около половины XVIII столѣтія, а именно въ селахъ Юскахъ и Дебесахъ. Послѣ этого обращеніе въ православіе шло довольно быстро и совершалось мирнымъ путемъ. Въ настоящее время Вотяковъ язычниковъ насчитывается не болѣе 100 въ Пургинскомъ приходѣ, и то благодаря неблагопріятнымъ условіямъ поселенія ихъ въ средѣ магометанъ.

II.

Вотяки Сарапульскаго уѣзда имѣютъ въ чертахъ своихъ много общаго съ народами финскаго племени. Они низкорослы, ниже средняго роста, приземисты и сутоловаты. Волосы на головѣ и бородѣ рѣдкіе и по преимуществу русые, хотя очень много встрѣчается рыжихъ. Лице по большей части блѣдноватое—покрыто рябинами и веснушками, лобъ узкій и сплюснутый нѣсколько назадъ; скулы нѣсколько выдавшіяся, глаза по преимуществу сѣрые и голубые, у молодыхъ свѣтлые и чистые, у старыхъ—съузившіеся, мутные, слезящіеся, съ припухшими и покраснѣвшими вѣками,

вѣроятно отъ пребыванія въ дымныхъ чумахъ и отъ постояннаго куренья трубки—носогрѣйки; у мужчинъ щеки впалыя, у женщинъ одутловатыя; подбородокъ у первыхъ продолговатый и заостренный, у вторыхъ толстый и закругленный. Вотяки флегматическаго темперамента, вялы и неповоротливы. Физической силой не обладаютъ и отличаются слабой мускулатурой, за что пользуются отъ русскихъ эпитетами *сухопарыхъ и тонконогихъ*. Не въ пользу Вотяковъ говоритъ и общее здоровье ихъ, ихъ продуктивная способность и долговѣчность. Плохое питаніе, въ силу исконной привычки пренебреженіе гигіеническими условіями, страсть къ спиртнымъ напиткамъ, къ куренію табаку и наконецъ нечистоплотность—производятъ между ними многія болѣзни, изъ которыхъ, по свидѣтельству врачей, болѣе распространенныя: ревматизмы, горячки, язвы, болѣзни кожи, трахома (Trachoma) слизистой оболочки глазъ и наконецъ сифилисъ, особенно способствующій слабому приращенію населенія.

Одежда Вотяковъ мужчинъ, зимой шерстяной *суманъ* или зипунъ, овчинная шапка, лапти поверхъ онучъ и ременный, покрытый мѣдными бляхами, поясъ, съ скобой для вкладыванія топора и ножа, безъ которыхъ Вотяки никуда почти не выходятъ. Лѣтомъ—*шабуръ* изъ толстаго холста, или просто одна рубаха съ портами, напускаемая на поясъ, и низенькая шерстяная шляпа, у молодыхъ перевиваемая лентами яркаго цвѣта. Одежда женщинъ какъ зимой, такъ и лѣтомъ, будничная—та же, что и у мужчинъ, только рубаха ихъ длиннѣе и вычурнѣе расшита узорами, да вмѣсто шляпы голова у дѣвицъ покрывается платкомъ, а у женщинъ полотенцемъ, концы котораго, обыкновенно расшитые красной бумагой, спускаются за спиной и запускаются за тканый поясъ съ кистями. Въ праздничные же дни онѣ наряжаются въ ситцевыя платья и передники; на головѣ замужнія женщины носятъ *аишонъ*—конусообразный берестяный тюрикъ, обшитый платкомъ, увѣшанный со лба рядами серебряныхъ монетъ; на груди ожерелье изъ тѣхъ же денегъ. Дѣвицы носятъ тѣже деньги, въ сѣверной части уѣзда нанизываемыя просто на головномъ платкѣ со лба, и въ южной части на груди. Эти украшенія всегда даютъ возможность судить о степени зажиточности Вотячки, такъ какъ богатыя стараются навѣшивать какъ можно больше

крупныхъ серебряныхъ монетъ, а бѣдныя довольствуются часто оловянными круглыми привѣсками. Нарядная женщина или дѣвица всегда держитъ въ рукахъ платокъ, но только на показъ, такъ какъ обходится съ своимъ носомъ посредствомъ пальцевъ и кулака.

Всѣ Вотяки имѣютъ, кромѣ обыкновенныхъ крестьянскихъ службъ, два для себя помѣщенія: зимнее—избу (*коркá*) и лѣтнее—чумъ (*квала*). Изба устраивается по образцу русскихъ избъ; чумъ же устройствомъ своимъ напоминаетъ кочевыя палатки номадовъ. Здѣсь нѣтъ ни полу, ни потолка, ни другихъ принадлежностей избы. Вмѣсто печи посрединѣ чума устраивается очагъ, гдѣ на двухъ сошкахъ виситъ котелъ для варенья пищи. Скопляющійся отъ костра дымъ проводится въ отверстіе на крышѣ. Избы, не говоря о чумахъ, Вотяки строятъ небрежно, въ пазахъ между бревнами часто замѣчаются большія сквозящія щели, отчего рѣдко можно встрѣтить теплую вотскую избу. Неопрятность въ содержаніи какъ зимняго, такъ и лѣтняго помѣщенія, поразительна. Отъ непромываемаго грязнаго пола, отъ привычки Вотяковъ не сдерживаться отъ извѣстныхъ животныхъ отправленій, отъ содержанія въ избѣ поросятъ, телятъ, куръ и другихъ животныхъ—распространяется по избѣ сильный запахъ зловонья, ѣдкій для глазъ и нестерпимый для носа.

Само собой разумѣется, что здѣсь миріадами водятся паразитныя насѣкомыя, которыя кажется и выгоняютъ Вотяка изъ избы съ первыми весенними лучами солнца въ его чумъ.

Относительно содержанія въ чистотѣ своего тѣла Вотякъ не додумался еще до употребленія мыла, которое здѣсь мало извѣстно. Недаромъ говорится, что Вотякъ съѣлъ кусокъ мыла вмѣсто пряника. Вотячка и бѣлье чиститъ въ одной холодной водѣ: она беретъ деревянную ступку вмѣстѣ съ черпымъ бѣльемъ и несетъ все это на рѣчку; здѣсь пополощетъ бѣлье въ водѣ, потолчетъ его пестомъ въ ступѣ—и довольно. Сами Вотяки моются также безъ мыла, развѣ зажиточные прибѣгаютъ къ нему, а дѣтей своихъ Вотячка моетъ обыкновенно такъ: беретъ ихъ съ собой на рѣку или прудъ, конечно только не въ зимнее время, снимаетъ съ нихъ рубашенки и, опустивъ по шею въ воду, сильно третъ руками все тѣло. Если вода холодна, то ребятишки ревутъ—ревомъ и, выскочивъ изъ воды, какъ дождь бѣгутъ домой

голыми и прямо на печь. Между тѣмъ мать остается здѣсь и моетъ скинутыя ими рубашенки. Правда, у Вотяковъ есть бани, но онѣ большею частью не достигаютъ своей цѣли и служатъ больше къ устраиванію въ нихъ посидѣлокъ для молодежи.

Въ приготовленіи пищи и въ выборѣ ея здѣсь повидимому не существуетъ понятія о чистомъ. Часто одно корыто служитъ какъ для приготовленія пищи, такъ и мытья половъ. Провизія, приготовляемая для варенья, не промывается, и кромѣ того до нея имѣютъ доступъ всѣ домашнія животныя, какія есть въ избѣ. Развѣ понаблюдетъ хозяйка только за цѣлостію провизіи, а если собаки и кошки локали здѣсь, то это еще ничего. Таже неопрятность и при варенiи пищи. Хозяйка, стоя надъ столомъ, почесываясь и поплевывая въ сторону, мѣшаетъ варево палочкой и въ то же время употребляетъ эту палочку какъ орудіе для отстраненія назойливой собаки или кошки.

Столъ Вотяка самый неприхотливый. Это по большей части одно блюдо—кашица изъ крупы, приправленная овощами, листомъ отъ него и травами; развѣ послѣ удачной охоты мужа Вотячка опуститъ въ котелъ бѣлку или зайца. О сочетаніи провизіи для приготовленія какого нибудь опредѣленнаго блюда здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Подвернулась рѣпа—кладется она въ гороховый супъ; подвернулась свекла—летитъ туда же и она. Все равно—было бы только погуще. Въ мясной пищѣ Вотякъ неразборчивъ: онъ ѣстъ рябчика и тетерева, но не брезгаетъ ястребомъ, филиномъ и совой. Многіе ѣдятъ даже не оперившихся птенцевъ—скворцовъ и воробьевъ. Лишь послышался писк ихъ въ скворечникѣ, какъ безжалостная рука исхитила уже ихъ изъ родного пепелища и опустила въ котелъ—благо тутъ и чистить нечего. Большой же запасъ мяса вызываетъ въ хозяинѣ щедрость и благодушіе: онъ сейчасъ созываетъ гостей и угощаетъ ихъ до тѣхъ поръ, пока не кончитъ всю провизію—черта, присущая всѣмъ полудикимъ народамъ и сохранившаяся у Вотяковъ, конечно, по преданію.

Впрочемъ въ домашнемъ обиходѣ найдется еще много кочевыхъ привычекъ Вотяка и неумѣнья приладиться къ русскимъ порядкамъ. Такъ, хотя Вотячка и печетъ квасной хлѣбъ, обыкновенно безсолый и пополамъ съ мякиной, но въ тоже время охотно замѣняетъ его прѣсными лепешками,

намазываемыми сверху простоквашей или тѣстомъ, замѣшаннымъ на крови животнаго *(табань)*. Хотя она и умѣетъ уже заготовлять нѣкоторую провизію въ прокъ, напр. капусту, но въ то же время не имѣетъ понятія о приготовленіи коровьяго масла, не имѣетъ понятія о сохраненіи въ зимнее время молока и яицъ; то и другое она замораживаетъ, вливая молоко удой за удоемъ въ одинъ сосудъ, а яица предварительно выпустивъ въ какую нибудь посудину.

Вотячки трудолюбивыя рукодѣльницы, но по чистотѣ работъ своихъ не могутъ сравняться съ русскими. Холсты ихъ обыкновенно толсты, темны и узки. Пестрядинныхъ тканей онѣ вовсе не приготовляютъ, за то довольно искусно ткутъ такъ называемыя *ковры—платки*, пришиваемыя къ *айшонамъ*. Узоры на приготовляемыхъ ими работахъ не симметричны и ограничиваются только затканіемъ цвѣтныхъ питокъ на полотенцахъ и рубашкахъ. Въ нарядахъ своихъ Вотячки избѣгаютъ яркихъ цвѣтовъ; любимые ихъ цвѣта лиловый, сиреневый и коричневый. Между тѣмъ рядиться молодыя дѣвушки любятъ и съ удовольствіемъ за нѣсколько полотенцевъ своей работы вымѣниваютъ ситцевые лоскутья и различныя мишурныя погремушки въ родѣ серегъ, бусъ и колецъ. Нужно видѣть, съ какимъ любопытствомъ каждая дѣвушка подходитъ къ другой, если увидитъ на ней что—нибудь новое. Глаза ея разбѣгаются и горятъ, а рука непремѣнно ощупаетъ каждую мелочь. Начинаются улыбки, прищелкиванья языкомъ, покачиванье головой и чуть не лобызанье разсматриваемыхъ нарядовъ. При этомъ такъ и хотѣлось бы сказать: „Дѣти природы, не трогайте этихъ затѣй роскоши и тщеславія, вы слишкомъ еще просты и довѣрчивы, чтобы не запутаться въ этихъ красивыхъ, но крѣпкихъ сѣтяхъ“. Кстати о правахъ ихъ. Мы сказали, что дѣвушки Вотячки собираются для работъ въ баняхъ. Здѣсь онѣ сначала чинно и скромно сидятъ за своими работами, изрѣдка между собою переговариваясь, или напѣвая подъ носъ свои импровизаціи. Но вотъ уже завечерѣло. Одинъ по одному собираются сюда вотскіе ловеласы, и даже русскіе, съ виномъ и кумышкой, съ гуслями или балалайкой подъ полой. Начинаются дружественныя привѣтствія, пѣсни, заигрыванья и угощенье спиртными напитками. Дѣвушки сначала робко принимаютъ чашки съ хмѣльными на-

питками, но потомъ набираются скоро храбрости и напиваются допьяна, тѣмъ болѣе, что та и слыветъ здѣсь молодцемъ—дѣвкой, которая больше другихъ выпьетъ. Теперь молодежъ, одинъ по одному, выбираются изъ бани за околицу. Часть осталась еще въ банѣ, но огонь уже погашенъ. Закроемъ и мы эту грустную и тяжелую сцену темной завѣсой. Не даромъ же Вотякъ воспѣлъ баню въ полурусскихъ въ полувотскихъ виршахъ:

„Вечеръ баня топился,
Ой косарымъ, косарымъ сьно косилъ косарымъ.
Къ себѣ вода носился,
Ой косарымъ, косарымъ“ и т. д.

Кромѣ того такія же сходбища бываютъ и въ большіе православные праздники. Молодежь по всей деревнѣ въ теченіи цѣлой недѣли переходитъ изъ избы въ избу для плясокъ, пѣнья пѣсенъ и при этомъ сильно упивается виномъ *и кумышкой.*

Нельзя сказать, чтобы не раздавался по этому случаю грозный голосъ пастырей церкви, но пока безуспѣшно: да и можно ли искоренить скоро то, что освящено исконнымъ обычаемъ цѣлаго народа.

Съ выходомъ въ замужество Вотячка бросаетъ прежнюю вольную и небезупречную жизнь и становится вѣрною подругою мужа,—говорю подругою, потому что здѣсь женщина не испытываетъ семейнаго разлада и приниженнаго положенія, какъ это бываетъ въ русской крестьянской семьѣ; она несетъ свою ношу трудовъ, правда тяжелую, подъ говоръ и ласки добраго мужа, а такая ноша едва—ли можетъ быть обременительна. Дѣтей своихъ Вотячка любитъ и лелѣетъ ихъ на сколько возможно; она не оставитъ ихъ дома безъ призрѣнія въ страдное время, какъ дѣлаютъ это русскія крестьянки, а усадивъ ихъ въ коробъ, несетъ за плечами въ поле, гдѣ успѣваетъ и ухаживать за ними и работать. А посмотрите, какъ заливается горючими слезами эта нѣжная мать, когда умираетъ ея ребенокъ; посмотрите, какъ заботливо прячетъ она въ лубяной его гробикъ всѣ простыя игрушки и соску, какъ ломаетъ она руки,—и у васъ невольно сожмется сердце. Впрочемъ любовь къ дѣтямъ раздѣляется и отцами. Русскій крестьянинъ не имѣетъ привычки няньчится съ своими дѣтьми; онъ смотритъ

на нихъ какъ то грубо и деспотично, тогда какъ Вотякъ—отецъ досужее время часто посвящаетъ дѣтямъ и замѣняетъ имъ няньку. Не даромъ про Вотяка—отца слыветъ анекдотъ, будто бы онъ отъ любви задушилъ въ объятіяхъ своего ребенка: „*такъ любилъ,—какъ давилъ, такъ и лопнилъ*“, говорилъ будто бы Вотякъ на судѣ, и въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго.

III.

Въ то время, какъ Вотячка цѣлый день хлопочетъ съ своимъ хозяйствомъ и выполняетъ часть мужскихъ работъ, каково кормленіе скота, подвозъ сѣна, ѣзда за дровами и проч., флегматическій Вотякъ любитъ или сидѣть дома безъ дѣла, или же отправляется въ поле или лѣсъ, гдѣ проводитъ большую часть дня, особенно осенью и зимой, отчего хозяйство его и идетъ крайне плохо. Около дома онъ не приглядитъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ грозить серьезная опасность. Притомъ онъ плохой плотникъ и иногда по неволѣ сидитъ въ полуразрушившейся избѣ. Вотская нечистота на дворѣ вошла уже въ пословицу; благодарная почва не требуетъ здѣсь удобренія, а потому навозъ не вывозится на поля и грудами валяется по конюшнямъ, двору и околицамъ деревни. Домашнія животныя какъ будто чуютъ всю неприглядность хлѣвной обстановки и потому только зимой остаются здѣсь, лѣтомъ же всѣ выходятъ на дорогу, въ самой деревнѣ или же за деревней. Домашнія птицы—гуси и утки—не знаютъ дома все лѣто. Вообще уходъ за домашними животными самый плохой: корму имъ дается мало и не въ пору, а какъ вздумается хозяйкѣ, отчего коровы малодойны, а лошади часто едва передвигаютъ ноги. Смѣшно и вмѣстѣ тяжело бываетъ смотрѣть, какъ Вотякъ, ѣдучи иногда на парѣ гусемъ, успѣетъ пересидѣть, на незначительномъ разстояніи, и на облучкѣ, и на коренной, и на пристяжной, чтобы только какъ нибудь добраться до станціи. Нетерпѣливый пассажиръ наконецъ не выдерживаетъ, разражается бранью на возницу, а тотъ, чуя свою вину, смиренно отвѣчаетъ: „*тихо идешь, дальше пойдешь, баринъ*“ и начинаетъ усиленно и быстро передергивать вожжами. Сбруя на лошадяхъ достойна своего возницы. Это по большей час-

ти мочальныя веревки, самодѣльныя, связанныя и перевязанныя узлами. Рвутся дорогой эти веревки—Вотякъ спокойно подбавляетъ къ старымъ узламъ новые; а между тѣмъ даетъ лошадямъ роздыхъ, и выходитъ, что у хитраго Вотяка и волки сыты и овцы цѣлы.

Вотякъ не знаетъ отхожихъ промысловъ, даже въ услуженье идетъ онъ рѣдко, развѣ къ свому же брату—Вотяку. Да и какіе промыслы вынесъ бы тщедушный и тонконогій Вотякъ! Тяжелый трудъ для него не по силамъ, какъ это видимъ мы на всѣхъ Вотякахъ, быстро хирѣющихъ въ военной службѣ. Ремеслъ онъ никакихъ не знаетъ, даже для домашняго обихода не умѣетъ онъ ничего сдѣлать. За то въ земледѣліи работа у него спорится лучше, чѣмъ у русскаго крестьянина. У Вотяка не бываетъ недостатка въ хлѣбѣ: въ гумнахъ его можно не рѣдко встрѣтить скирды *(кабаны)* съ хлѣбомъ, уже совершенно побѣлѣвшіе отъ времени. Это оттого, что Вотякъ по различнымъ примѣтамъ своимъ, которыя онъ беретъ съ полета птицъ, съ крика животныхъ, съ лѣсу и воды, заранѣе угадываетъ какова будетъ погода будущей весной и лѣтомъ—тепла или холодна, суха или сыра, потому такъ и подготовляетъ почву, такъ и разбрасываетъ свои сѣмена и весьма рѣдко обманывается. Выручаютъ вотскія примѣты и русскаго крестьянина; пользуются ими и судовщики и лѣсопромышленники для своихъ выгодъ—и говорятъ спасибо Вотяку.

Вотякъ страстный охотникъ, но не имѣя порядочнаго оружія, онъ до сихъ поръ пробавляется еще тою же дрянью, какою стрѣляли его отцы и дѣды. Впрочемъ и съ этимъ оружіемъ онъ дѣлаетъ большіе успѣхи въ охотѣ. Дѣло въ томъ, что съ дѣтства здѣсь передается страсть къ ловлѣ птицъ и звѣрей. Мальчикъ лѣтъ 7—8 уже упражняется въ вытаскиваніи птенцовъ изъ заугольковъ своей избы и изъ скворечниковъ Лѣтъ съ 9-ти онъ ходитъ съ отцемъ на охоту въ качествѣ ученика и пособника, гдѣ учится всѣмъ пріемамъ скрадыванія птицы и схаживанья звѣря и кромѣ того знакомится съ мѣстами ихъ гнѣздъ и логовищъ по слѣдамъ и перелету. Вслѣдствіе чего и не мудрено, если мальчикъ—Вотякъ не рѣдко тащитъ домой то молодыхъ рябчиковъ и тетеревовъ, то зайчатъ и бѣлокъ. Я самъ видѣлъ какъ два вотскихъ мальчика вытащили изъ подъ прилегающихъ къ землѣ вѣтвей ели одного по одному шесть поч-

ти на взлетѣ молодыхъ тетеревовъ, которыхъ подъ скрывающими ихъ вѣтвями отнюдь нельзя было замѣтить. Я спросилъ, какъ дѣти напали на ихъ слѣдъ. Оказалось, что съ весны еще они подмѣтили частый перелетъ около этого дерева двухъ старыхъ тетеревовъ и отсюда заключили о близости гнѣзда; остальное сдѣлала вотская настойчивость и ищейскія способности. Послѣ этого не мудрено, если возмужавшій Вотякъ становится вполнѣ хорошимъ охотникомъ. И онъ дѣйствительно настойчивъ, терпѣливъ и ловокъ въ охотѣ. Въ простой походкѣ его уже много хитрости и лукавства; онъ ходитъ какъ то крадучись, избочась и едва поднимая отъ земли ноги; носки его лаптей прежде устраняютъ встрѣтившуюся на пути преграду, а потомъ слѣдуетъ опусканіе ступни. На охотѣ эти качества усиливаются: Вотякъ идетъ съ вами рядомъ и вы не слышите его шаговъ; онъ идетъ, въ камышѣ—вровень съ камышемъ, въ травѣ—съ травой. Едва онъ завидѣлъ издали птицу, какъ вдругъ обратился въ нѣмой столбъ, склонился тихо къ травѣ и поползъ какъ кошка. Сначала еще видишь, какъ по направленію его слѣдовъ склоняется травка по травкѣ, но потомъ изчезъ и этотъ слѣдъ присутствія живой души—до тѣхъ поръ, пока не услышится вдали глухой звукъ его *пищали* и паденье на землю убитой птицы. Теперь онъ выпырнулъ изъ травы, но для того только, чтобы подобрать дичь, выслѣдить направленіе полета спуганной птицы, а потомъ снова погрузился туда. Долго иногда ползаетъ такимъ образомъ Вотякъ и презрастъ при этомъ всѣ встрѣчающіяся неудобства—купанье въ лужахъ, перелѣзаніе черезъ пни и колоды и пр., бывали случаи нерѣдко и такого увлеченія и страсти, что охотникъ по двое сутокъ бродилъ по лѣсу безъ пищи и возвращался домой голоднымъ, изнуреннымъ и изцарапаннымъ, но за то съ полнымъ пестеремъ набитой птицы.

Вотякъ—охотникъ хорошо подражаетъ крику и писку птицъ и кромѣ того запасается дудками и свистушками для рябчиковъ, тетеревовъ и утокъ. Съ этими орудіями и приманками охота представляется уже совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ—это охота благодарная и неизнурительная, хотя и исключительная, потому что бываетъ только въ извѣстное время года. Всталъ Вотякъ за дерево и началъ пищать,

и дичь летитъ прямо подъ выстрѣлъ. Особенно много бьютъ Вотяки такимъ образомъ рябчиковъ.

Изъ другихъ способовъ добыванія птицы между Вотяками самый распространенный—*силки*. Для этого выбирается гдѣ нибудь, по большей части на опушкѣ лѣса, сухое безъ листвы дерево; на одну изъ горизонтально распростертыхъ вѣтвей этого дерева набиваются силки изъ конскаго волоса (затяжныя петли). Въ концѣ соединенія этой вѣтви со стволомъ привязывается кисть рябины, калины или другихъ какихъ нибудь ягодъ. Когда рябчикъ или тетеревъ, сѣвши на вѣтку, побѣжитъ къ рябинѣ, то непремѣнно зацѣпится головой или ногой въ одинъ изъ силковъ и затянетъ петлю, откуда уже не можетъ вырваться. Вотякъ рано утромъ идетъ и обираетъ дичь.

Изъ мелкихъ звѣрей Вотяки охотятся за бѣлкой и зайцемъ, хотя бьютъ нерѣдко и лисицъ и куницъ. Охота эта начинается съ осени и продолжается до весны. Вотякъ бьетъ звѣря изъ ружья и ловитъ въ *капканъ*. Въ первомъ случаѣ онъ выходитъ на охоту съ до крайности изнуренной собакой, которая хорошо выдресирована для охоты подобнаго рода. Малоцѣнные сами по себѣ заяцъ и бѣлка не позволяютъ Вотяку много тратиться на порохъ и свинецъ, потому онъ ухитряется бить ихъ при помощи миніатюрнаго заряда, заставляющаго иногда взлѣзать на дерево, чтобы сдѣлать прицѣлъ въ 2—3 саженяхъ. Свинецъ онъ послѣ вынимаетъ изъ убитаго звѣря. Кстати при этомъ сказать, что охотникъ крайне затрудняется здѣсь въ полученіи пороха по номинальной цѣнѣ и получаетъ его изъ вторыхъ рукъ, но уже вдвое дороже. Нѣкоторые изъ Вотяковъ дѣлаютъ такъ: они заручаются въ городѣ какимъ нибудь вліятельнымъ лицемъ, для котораго полученіе пороха не затруднительно, и дѣлаются его поставщиками относительно дичи. Въ этомъ случаѣ и Вотякъ остается въ выгодѣ, да и доставляющій ему порохъ кушаетъ рябчиковъ и тетеревовъ слишкомъ дешевыхъ.

Капканы разставляютъ Вотяки довольно удачно. По набѣганному звѣремъ слѣду они вѣрно угадываютъ, когда и по какому направленію пойдетъ звѣрь, а потому какъ разъ устроятъ ему засаду. При этомъ, впрочемъ, бываютъ и такіе случаи: въ капканъ, поставленный для мелкаго звѣря, вдругъ забредетъ медвѣдь или волкъ и унесетъ капканъ.

Вотякъ терзается и мучится долго, розыскиваетъ звѣря по слѣдамъ, но все напрасно: капканъ изчезъ вмѣстѣ съ звѣремъ. Впрочемъ комическихъ положеній Вотякъ испытываетъ на охотѣ и безъ этого весьма много: то истощатся у него боевые запасы и онъ сложитъ въ ружье всѣ заржавѣвшіе гвозди, или же оборветъ всѣ оловянныя бляхи на своемъ поясѣ, что бы зубами приготовить изъ нихъ пули; то за ненастьемъ кремневое ружье откажется бить, и онъ начнетъ на разные лады продувать стволъ ружья, перевертывать такъ и сякъ кремень; то въ силкахъ своихъ найдетъ вмѣсто птицы одну ножку, а остальнымъ воспользовался филинъ или сова. Ружье Вотяка бьетъ слабо, а бѣлка сидитъ высоко на деревѣ, внѣ выстрѣла. Какъ тутъ быть? Не долго думая, Вотякъ начинаетъ взбираться по дереву вѣтка по вѣткѣ, царапаетъ себѣ лице и руки и наконецъ дѣлаетъ прицѣлъ—послышался трескъ сучка и потомъ паденіе чего то тяжелаго. Это Вотякъ оборвался съ дерева и полетѣлъ стремглавъ на землю. Бѣлка съ любопытствомъ смотритъ на бѣдняжку и еще выше забралась на дерево, а бѣдный охотникъ разорвалъ свой кафтанъ и совсѣмъ не можетъ отыскать,—бѣлку?—нѣтъ, свою шляпу.

На крупныхъ звѣрей, каковы въ здѣшнихъ мѣстахъ медвѣди и волки, Вотяки ходятъ рѣдко и часто только уже тогда, когда увидятъ большой недочетъ въ своихъ домашнихъ животныхъ. Сначала они обыкновенно пытаются испугать звѣря и отогнать его отъ своихъ жилищъ и полей, для чего съ топорами и дубинами всей деревней идутъ по направленію оставленныхъ звѣремъ костей животныхъ и производятъ ужасный крикъ, стрѣльбу изъ ружей и стукапье топорами и дубинами по стволамъ деревьевъ. Когда эти палліативныя мѣры не помогутъ, и звѣрь явится снова во всеоружіи своихъ крѣпкихъ зубовъ, тогда уже устраивается на волковъ *облава*, на медвѣдя *полати*. Облава состоитъ въ томъ, что Вотяки, вооруженные ружьями, кольями и топорами, окружаютъ въ лѣсу звѣря и бьютъ его чѣмъ попало. Полати состоятъ просто изъ досокъ, укрѣпленныхъ рядомъ между двумя деревьями на высотѣ двухъ—трехъ саженъ отъ земли и близь зарѣзаннаго медвѣдемъ домашняго животнаго. На томъ основаніи, что медвѣдь заѣденное имъ животное выходитъ ѣсть только ночью, два Вотяка со дня забираются на полати съ заряженными ружьями и

ждутъ прихода звѣря, котораго, за темнотою ночи, усматриваютъ иногда только по искрящимся его глазамъ. Медвѣдь слишкомъ уменъ, предусмотрителенъ и остороженъ, а потому нерѣдко догадывается объ устроенной для него засадѣ то по вѣтру, наносимому въ его сторону отъ охотника, то по слѣдамъ ими нахоженнымъ здѣсь и ретируется отсюда. Если охотники предупредили всѣ сказанныя обстоятельства, то и тогда исходъ не всегда бываетъ благопріятенъ для нихъ. Дурной прицѣлъ, а еще чаще, дурное ружье —бываютъ причиною того, что медвѣдь не убивается на повалъ, а только получаетъ рану. Тогда разъяренный звѣрь по пороховому запаху не замедлитъ открыть своихъ враговъ и преслѣдователей и постарается расчитаться съ ними. Расчетъ его бываетъ ужасенъ: онъ непремѣнно переломаетъ руки и ноги Вотякамъ и оставитъ ихъ искалѣченными и едва живыми. О другихъ способахъ ловли медвѣдя мы поговоримъ ниже; теперь же скажемъ о томъ уваженіи, которое оказывается Вотяками медвѣдю: они говорятъ о немъ всегда съ благого трепетомъ и страхомъ и въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ, какъ будто боятся, что медвѣдь услышитъ ихъ; при встрѣчѣ съ нимъ въ лѣсу врасплохъ снимаютъ передъ нимъ шапки, кланяются ему и даже становятся на колѣни. Видя такое почтеніе себѣ, медвѣдь будто бы никогда не троветъ Вотяка и только обдаетъ его брызгами изо рта и уйдетъ. Относительно домашняго скота Вотяки вѣрятъ и въ чудодѣйственную силу медвѣдя. Если послѣдній побываетъ у нихъ въ хлѣвахъ, то весь домашній скотъ ихъ будто бы застрахованъ отъ болѣзней и падежа. Не знаю, насколько въ этомъ отношеніи оправдываются ожиданія Вотяковъ, но то несомнѣнно, что если заведенъ дрессированный медвѣдь въ вотскую деревню, то, по желанію обитателей ея, обходитъ всѣ хлѣвы, получая за это щедрыя угощенія водкой, кумышкой и хлѣбомъ.

Вотякъ любитъ заниматься пчеловодствомъ и ведетъ это дѣло успѣшнѣе русскаго. Не рѣдкость встрѣтить Вотяка, имѣющаго 100—150 ульевъ, тогда какъ хорошимъ пчеловодомъ считается русскій, насчитывающій у себя 20—30 ульевъ. Въ чемъ здѣсь секретъ? Въ томъ, что Вотякъ хорошій въ этомъ дѣлѣ практикъ и знаетъ, какъ обращаться съ пчелой, какъ зимой, такъ и лѣтомъ. Зимой онъ всегда во время предупредитъ всѣ случайности, вредныя для здоровья пче-

лы въ своей пасѣкѣ, какъ то холодъ, излишнее тепло и недостатокъ воздуха, по различнымъ примѣтамъ: по скучиванію пчелъ, по мѣсту ихъ нахожденія въ той или другой части улья проч. Усердіе же его въ отношеніи ухаживанія за пчелой лѣтомъ примѣрное: онъ постоянно слѣдитъ тогда за жизнію пчелы, за ея дѣятельностію и трудами, потому заранѣе можетъ опредѣлить, сколько будетъ въ ульяхъ роевъ и сильны ли они будутъ, можно ли будетъ ихъ отсадить, чтобы не обезсилить старыхъ пчелъ и не сгубить ихъ и т. д. Зоркій Вотякъ не упуститъ отлета роя на сторону; онъ заранѣе знаетъ, изъ какого улья и когда полетитъ новый рой и приготовитъ на этотъ случай всѣ необходимые снаряды и принадлежности для отсаживанія пчелы въ другой улей. Если у Вотяка мало пчелъ, онъ не лѣнится отыскивать ихъ въ лѣсу и пересаживать въ свои ульи. Отсюда понятно, отчего Вотякъ богатъ пчелой. Забота Вотяка простирается также и на качество меда. Онъ знаетъ, что пчела несетъ лучшій медъ, гдѣ есть цвѣты и липовый лѣсъ, а потому тамъ и разставляетъ свои ульи, ни мало не заботясь о томъ, что это и далеко отъ его жилища, и неудобно. Съ цѣлію же полученія меда хорошаго качества Вотякъ разводитъ и *бортевой медъ* — высокій сортъ такъ называемаго сарапульскаго меда. Бортевой медъ получается изъ дупла растущаго въ лѣсу дерева. Вотякъ очиститъ дупло внутри, сдѣлаетъ въ немъ узкое отверзтіе для прохода пчелъ и пускаетъ ихъ туда. Пчелы скоро приживаются въ этихъ новыхъ жилищахъ. Чтобы не смѣшать своихъ бортей съ бортями другихъ владѣльцевъ, хозяинъ кладетъ на деревья клейма.

Враги Вотяковъ по разведенію пчелъ — медвѣди. Эти лакомки нерѣдко забираются въ вотскія пасѣки и причиняютъ хозяину большой ущербъ. Негостепріимный пріемъ косматаго гостя въ первомъ ульѣ пчелами разъяряетъ его до того, что онъ побросаетъ и поломаетъ здѣсь всѣ ульи и уйдетъ. Но особенно любятъ медвѣди нападать на бортевой медъ, который и защищается Вотяками различными способами, изъ которыхъ самые употребительные *чурка* и *зыбка*. Чурка устраивается такъ: подвязывается сверху за вѣтвь бортеваго дерева толстый чурбанъ, какъ разъ противъ отверзтія для входа пчелъ, но съ оставленіемъ между чуркой и деревомъ небольшаго пространства, что бы пчелы безпрепятственно могли входить въ свое жилище. Когда медвѣдь, добравшись до

борти и желая полакомиться медомъ, отстраняетъ отъ борти чурбанъ, то послѣдній размахивается и ударяетъ по звѣрю; разъяренный медвѣдь съ большею силой отстраняетъ чурбанъ и получаетъ еще болѣе увѣсистый ударъ—такъ до тѣхъ поръ, пока звѣрь не утомится и не броситъ опасной игры. Зыбка устраивается такъ: берется сажени въ полторы длиною крѣпкій шестъ и однимъ концемъ своимъ прикрѣпляется къ вершинѣ бортеваго дерева подъ прямымъ угломъ съ нимъ, на другой же конецъ этого шеста, въ уровень или нѣсколько ниже отверстія для пчелъ, подвѣшивается широкая доска, подобно тому, какъ подвѣшивается чашка вѣсовъ къ коромыслу. Доска эта сторопою обращенною къ дереву подтягивается къ послѣднему топкой веревкой почти до соединенія съ нимъ. Когда медвѣдь доберется до борти, то обыкновенно для удобства взбирается на доску, но отъ тяжести звѣря и отъ возни его съ бортью веревка обрывается, доска отходитъ и медвѣдь остается въ изолированномъ положеніи; теперь ему остается одно—броситься съ дерева на землю: но бѣда въ томъ, что подъ зыбкой набиты заостренные сверху колья, представляющіе сплошной частоколъ. Долго медвѣдь реветъ, становится на дыбы, но наконецъ голодъ или непріятель заставляютъ его волей—не волей сдаться, броситься на колья и погибнуть. Вотяки, поймавъ такимъ образомъ звѣря, устраиваютъ праздникъ и поѣдаютъ непріятеля съ удовольствіемъ, запивая вкусное блюдо кумышкой.

Выкуриваніемъ своего національнаго напитка—*кумышки*—Вотяки занимаются главнымъ образомъ осенью, а также передъ своими праздниками, которыхъ у нихъ насчитывается до 11-ти. Работа эта предоставляется женщинамъ, которыя гонятъ кумышку гдѣ нибудь недалеко отъ деревни, при рѣчкѣ, посредствомъ самодѣльныхъ деревянныхъ снарядовъ, похожихъ на обыкновенные винокуренные, только въ миніатюрѣ. День и ночь женщина или дѣвушка сидитъ здѣсь и работаетъ. Каждая женщина въ семьѣ обязана сама приготовить себѣ кумышку и угощать ею гостей. Лучшая кумышка гонится дѣвушками и называется *дѣвичьею*. При удачныхъ аппаратахъ изъ одного пуда муки гонится ведро кумышки, крѣпостію мало уступающей русской водкѣ низшаго сорта, плохіе же аппараты даютъ кумышку не выше 12—15 градусовъ, отзывающуюся непріятнымъ сивушнымъ запахомъ и гарью. По приблизительному моему исчисленію, на кажда-

го человѣка выходитъ въ годъ кумышки minimum $1^1/_2$ ведра, слѣдовательно при народопаселеніи въ 76 тысячъ потребляется этимъ путемъ 112 тысячъ пудовъ хлѣба. Но потребляется болѣе, такъ какъ при плохихъ аппаратахъ и при неопытности кумышкокура на то же ведро затрачивается иногда вдвое болѣе матеріаловъ. Вотяки пьютъ кумышку (1) постоянно, пока не истощится весь запасъ, и пьютъ какъ чистые пьяницы, медленно, по глотку. Такое медленное потягиваніе кумышки съ одной стороны, съ другой—недостаточная крѣпость ея, не опьяняютъ Вотяка совершенно, а только повергаютъ его въ какое то безсмысленное идіотское состояніе, по которому онъ, заплетаясь нога о ногу, бродитъ изъ угла въ уголъ и изъ дома въ домъ безъ слѣдовъ мысли на челѣ, безъ веселости во взглядѣ, безъ живости въ движеніяхъ, безъ рѣчи на языкѣ. Вотъ почему о Вотякахъ не говорятъ, что они пьянствуютъ, а говорятъ: Вотяки дурятъ, дичаютъ.

Лѣтъ 20-ть тому назадъ, во времена откупной системы, выкуриваніе кумышки было запрещено закономъ. Печальны были для Вотяка послѣдствія этого запрещенія и тяжело отразились они на благосостояніи вотскаго племени. Какъ священный напитокъ, какъ даръ боговъ, играющій и по настоящее время весьма важную роль въ дѣлѣ религіозныхъ вѣрованій Вотяковъ,—кумышка не могла не выкуриваться и выкуривалась секретно. Вотякъ темною почью бѣжалъ для этого въ лѣса и дебри, скрывался въ ущельяхъ и оврагахъ, но священный напитокъ курилъ. Зоркій глазъ полиціи и слишкомъ уже нескромный глазъ корчемной стражи, какъ увидимъ ниже, конечно, открывалъ преступниковъ. Въ самыхъ лучшихъ условіяхъ оставался Вотякъ—преступникъ, подвергавшійся только карѣ законовъ, снисходительно смотрѣвшихъ на преступленія этого рода. Но этого почти не было: Вотякъ былъ безсовѣстно обираемъ до нитки и разоряемъ въ конецъ этими же сыщиками. До чего доходила дерзость корчемной стражи—удивительно. За неимѣніемъ иногда настоящихъ преступниковъ—кумышкокуровъ, они открывали мнимыхъ, вторгаясь въ домы послѣднихъ и подбрасывая имъ боченки съ кумышкой. Я самъ лично слышалъ разсказъ одного изъ прежнихъ корчемниковъ, который хвалился тѣмъ, что онъ

(1) Кумышку пьютъ и всѣ дѣти.

такимъ образомъ много обобралъ Вотяковъ. Когда я сказалъ ему, что тутъ хвалиться не чѣмъ, что это былъ рядъ тяжкихъ съ его стороны преступленій, то онъ, съ развязностію кабатчика, началъ доказывать, что Вотякъ не человѣкъ и что вотская душа—не душа, а слѣдовательно и преступленій тутъ не было. Понятно послѣ этого, отчего появленіе подобной стражи производило страшную панику въ вотской деревнѣ. Вотякъ бѣжалъ въ лѣсъ, убирался подъ овинъ, прятался за трубу, зарывался въ скирды, чтобы только не попасть на глаза сыщиковъ. Слѣды этихъ набѣговъ еще такъ свѣжи въ памяти Вотяковъ, что они и теперь не рѣдко прячутся отъ проѣзжающаго по деревнѣ чиновника.

IV.

Всѣ почти Вотяки Сарапульскаго уѣзда придерживаются еще многихъ языческихъ вѣрованій и заблужденій. Они признаютъ доброе и злое начало. Добрый и милующій ихъ Богъ, возсѣдающій на солнцѣ, называется *Инмаръ* (1); злой и карающій духъ—*Шайтанъ*. Изображеніе Инмара скрывается въ особыхъ нежилыхъ шалашахъ и состоитъ изъ грубо отесаннаго чурбана, представляющаго одну голову, съ подвѣшенной къ подбородку бородой изъ болотныхъ травъ. Помѣщается этотъ идолъ въ переднемъ углу шалаша, надъ тремя ведущими къ нему ступенями и составляетъ, по понятіямъ Вотяковъ, такую святыню, что всякій дерзнувшій оскорбить этого идола долженъ тутъ же непремѣнно умереть. Поклоненіе и чествованіе идолу Инмара Вотяки воздаютъ тайно, тайно же дѣлаютъ ему и приношенія, состоящія, покрайней мѣрѣ здѣсь, исключительно изъ полотенцевъ, развѣшанныхъ передъ нимъ на протянутыхъ веревкахъ въ видѣ украшенія. Вотъ другой образчикъ Бога Инмара въ общихъ кумирняхъ Вотяковъ. Въ ящикъ съ маленькимъ отверстіемъ съ боку, въ видѣ оконца, закрываемаго ставней, ставится

---

(1) Нѣкоторые Вотяки утратили представленіе о своемъ кумирномъ первобогѣ Инмарѣ и перенесши это названіе, съ принятіемъ православія, на Бога истиннаго, стали приносить идольскія жертвы и молитвы о плодородіи земли не кумиру Инмара, а кумиру, называемому Воршутомъ, по имени жреца ихъ.

слѣпленный изъ тѣста или изъ хлѣба человѣкоподобный идолъ. Когда Вотяки приносятъ ему свои молитвы, то ставятъ ящикъ на столъ или тумбу и открываютъ оконце съ тою цѣлію, чтобы идолъ ихъ наблюдалъ за усердіемъ молящихся и зналъ, о чемъ обращаются къ нему съ молитвой. По принесеніи молитвы, оконце опять закрывается и самый ящикъ съ идоломъ куда нибудь прячется. Въ честь Инмара кромѣ того Вотяки держатъ въ переднемъ углу жилыхъ своихъ избъ коробочки съ идоложертвенными костями животныхъ, принесенныхъ въ жертву въ различное время. Кости эти—лары и пенаты Вотяковъ; они охраняютъ послѣднихъ дома, съ ними Вотяки идутъ въ лѣсъ и отправляются въ дальную дорогу, ихъ же кладутъ въ гроба съ умершими, твердо вѣря, что въ первомъ случаѣ съ этими костями они застрахованы отъ бѣдъ и несчастій, во второмъ—получатъ отпущеніе грѣховъ и будутъ блаженствовать за гробомъ.

Шайтанъ изображается на лубкѣ или берестѣ углемъ или мѣломъ въ самомъ отвратительномъ видѣ, съ когтями и копытами на оконечностяхъ рукъ и ногъ и непремѣнно съ хвостомъ. Постояннаго изображенія этого злого духа Вотяки въ домахъ не имѣютъ, а рисуютъ его только при извѣстныхъ случаяхъ. Какъ Воршуту, такъ и Шайтану, Вотяки приносятъ *жертвы* по всѣмъ встрѣчающимся особеннымъ случаямъ и обстоятельствамъ жизни—общія по случаю безведрія, бездождія, повальныхъ болѣзней, падежей и пр., частныя—по случаямъ несчастій, постигающихъ отдѣльныя семьи. Истолкованіе воли боговъ и приношеніе имъ жертвъ лежитъ на обязанности *ворожцевъ*. Это по большей части самые старые въ деревнѣ Вотяки, отличающіеся умомъ и хитростію. Каждая деревня имѣетъ своихъ ворожцевъ, подраздѣляющихся въ іерархическомъ отношеніи на три степени, сообразно съ которыми распредѣляются и обязанности ихъ. Во время жертвоприношеній ворожецъ исполняетъ и обязанности жреца. Мѣсто принесенія общественныхъ жертвъ и моленій называется *керметью*. Это самое живописное мѣсто въ лѣсу, по—преимуществу близъ журчащаго ручья, съ раскидистыми и могучими лиственными и хвойными деревьями, среди не большой лужайки. Вотъ какимъ образомъ приносится жертва Воршуту: передъ посѣвомъ или по какому нибудь другому случаю, по требованію старшаго ворожца, всѣ Вотяки деревни, за исключеніемъ малолѣтнихъ, собираются въ

кереметь. Здѣсь, на указанномъ ворожцомъ мѣстѣ, они становятся въ кругъ, въ центрѣ котораго помѣщается ворожецъ. Сначала послѣдній тихо мотаетъ головой и руками и произноситъ непонятныя слова и фразы, но потомъ постепенно начинаетъ экзальтироваться и производить конвульсивныя движенія, черты лица его искажаются и наконецъ у рта является пѣна. Въ это время всѣ Вотяки молятся безъ сложенія креста (въ присутствіи русскихъ молятся съ крестомъ), и бросаютъ поочередно черезъ голову ворожца принесенныя съ собой изъ дома яйца, подбираемыя послѣ ворожцемъ. Затѣмъ подводится къ ворожцу заранѣе указанное имъ животное—овца, жеребенокъ или коза. Быстрымъ взмахомъ ножа онъ моментально убиваетъ животное, которое сейчасъ же свѣжуется другими ворожцами и складывается въ котлы для сваренія. Сваренное мясо дѣлится на равныя части между каждыми четырьмя человѣками и поѣдается съ принесеннымъ Вотяками изъ дома хлѣбомъ и запивается кумышкой. Кости сначала закапываются въ землю на годъ, потомъ развѣшиваются по сучьямъ деревьевъ въ самой кереметн и наконецъ уже разносятся по домамъ, какъ святыня, и сохраняются въ коробочкамъ, какъ сказано выше. Приносятся на этихъ *мольбищахъ* въ честь Воршута и денежныя жертвы, поступающія въ пользу жрецовъ. Для этого Вотякъ запасается нарочно мѣдными деньгами старой чеканки, крупными, чтобы было если не цѣнно, то тяжеловѣсно—маленькій обманъ своего бога. А вотъ и болѣе крупное надувательство и одурачиваніе самихъ Вотяковъ: одинъ изъ Вотяковъ, близко стоящій къ ворожцу и желающій сколотить лишнюю копѣйку на счетъ молитвеннаго расположенія и усердія другихъ, проситъ ворожца за магарычи указать Вотякамъ на какое нибудь изъ его домашнихъ животныхъ, какъ на угодное Воршуту. Тотъ указываетъ—и владѣлецъ овцы или теленка беретъ за нихъ цѣну чуть не быка, такъ какъ по понятіямъ Вотяковъ здѣсь торговаться нельзя. Праздники и моленія Вотяковъ продолжаются иногда цѣлую недѣлю. Старики и жрецы во все это время остаются въ кереметяхъ и занимаются распиваніемъ кумышки, благо ее такъ много принесено сюда Вотяками. Молодые ребята послѣ молепій предаются играмъ въ мячъ, бабки, состязаются въ бѣганіи и пр.

Иногда вмѣсто кровныхъ жертвоприношеній ворожецъ именемъ Воршута требуетъ отъ Вотяковъ извѣстнаго коли-

чества муки. Тогда часть ея опъ употребляетъ въ собственную пользу, изъ другой варитъ кумышку, разставляемую имъ въ сосудахъ тайно по домамъ (въ сѣняхъ на крыльцѣ) всѣхъ Вотяковъ, участвовавшихъ въ принесеніи муки. На эту кумышку Вотяки смотрятъ уже какъ на ниспосланную имъ свыше самимъ Воршутомъ, а потому употребляютъ ее въ важныхъ только случаяхъ: она служитъ Вотяку очистительнымъ средствомъ противъ какого бы то ни было осквернепія; ею помазываютъ больныхъ для ихъ выздоровленія, обливаютъ умершихъ для облегченія ихъ участи за гробомъ. Впрочемъ такого помазанія и обливанія удостоиваются только лица не перешедшія еще 30-ти лѣтняго возраста; перешедшіе этотъ возрастъ не удостоиваются помазанія и обливанія. Истощающійся запасъ означенной кумышки въ домѣ восполняется такимъ образомъ: рапнимъ утромъ старшая изъ женщинъ въ семьѣ Вотяка одѣвается въ мужскую одежду, молится и потомъ подливаетъ къ старой кумышкѣ свѣжей; этого обряда достаточно, чтобы кумышка имѣла прежнюю чудодѣйственную силу. Послѣ 4-хъ лѣтняго такого поповленія жертвенная кумышка наконецъ, по понятіямъ Вотяковъ, теряетъ свою силу и вылипается или же выпивается.

Жертвоприношенія въ честь злого духа Шайтана совершаются также какъ и въ честь Воршута, только первыя бываютъ обильнѣе. Тогда какъ Воршутъ довольствуется иногда принесеніемъ въ жертву одного домашняго животнаго, Шайтанъ словами ворожца требуетъ двухъ животныхъ, напр. двухъ жеребятъ, двухъ козъ и пр., и притомъ по большей части бѣлой масти.

Кромѣ чествованія, Вотяки разъ въ годъ подвергаютъ Шайтана *изгнанію* изъ домовъ и *бичеванію*, съ цѣлію отстраненія отъ нихъ золъ и несчастій, которыя будто-бы насылаются этимъ злымъ духомъ на людей и въ особенности на домашнихъ животныхъ, если съ нимъ черезъ чуръ будешь церемониться и ублажать его. Обрядъ этотъ совершается ночью на Великій Четвертокъ (1) и называется *шайтанъ—вотлонъ*. Съ вечера старшіе и взрослые Вотяки, вооруженные дубинами и бичами, собираются къ ворожцу и здѣсь за кумышкой держатъ совѣтъ, куда погонятъ они шайтана;

(1) Въ нѣкоторыхъ вотскихъ поселеніяхъ Шайтана гоняютъ на канунъ праздника Богоявленія Господня.

одни предлагаютъ выгонъ въ поле, потому что отъ этого лучше ведется скотъ, другіе въ лѣсъ, чтобы застраховать скотъ отъ нападеній хищныхъ звѣрей, третьи наконецъ кричатъ, что нужно гнать Шайтана на луга, чтобы по больше уродилось травы, словомъ спорятъ—кто въ лѣсъ кто по дрова—до тѣхъ поръ, пока которая нибудь сторона не пересилитъ и вопросъ не рѣшится большинствомъ голосовъ. Теперь ворожецъ беретъ длинный лубокъ, рисуетъ на немъ углемъ то чудовище, о которомъ мы сказали выше и, въ сопровожденіи вооруженныхъ палками и бичами Вотяковъ, обноситъ его по дворамъ домохозяевъ, а Вотяки бьютъ палками по стѣнамъ съ словами: „*Кышъ, Шайтанъ, кышъ. . .*“; имъ вторятъ изъ избъ женщины, выгоняющія Шайтана изъ—за печи, изъ—за лавокъ, съ полатей и пр. Послѣ этого всѣ Вотяки, предшествуемые ворожцемъ, садятся верхомъ на лошадей и съ страшнымъ крикомъ и хлопаніемъ бичами гонятъ—Шайтана изъ деревни по избранному на сходкѣ пути. Дорогой одни свалились съ лошадей еще на полупути—пьяные, другіе едва держатся въ сѣдлѣ, третьи разсудили возвратиться къ кумышкѣ, едва выѣхавъ за деревню,– и не многіе избранные добираются до цѣли. Эти уже должны быть только на бѣлыхъ лошадяхъ, иначе они не могутъ приступить къ бичеванію и оплеванію Шайтана, что производится просто: лубокъ съ изображеніемъ Шайтана прислоняется къ какому нибудь дереву или прислу, затѣмъ побивается и оплевывается Вотяками, наконецъ разрывается на части и разбрасывается на всѣ четыре стороны.

При изгнаніи Шайтана бываютъ и такіе курьезные случаи: Вотяки одной деревни, не знающіе о направленіи избранномъ для изгнанія Шайтана Вотяками другой ближайшей деревни, иногда съѣзжаются вмѣстѣ и, такъ сказать, гонятъ Шайтана другъ другу на встрѣчу. Кому же захочется уступить дорогу и позволить въ этомъ случаѣ Шайтану съ полудороги воротиться въ одну изъ деревень? Начинается свалка, употребляется сила—и тѣ орудія въ рукахъ Вотяковъ, которыми предполагалось примѣрнымъ образомъ наказать Шайтана, вдругъ начинаютъ мѣрить вотскіе бока и спины. Бывали случаи увѣчій и кровопролитій. По окончаніи обряда начинается праздникъ *шатра—вотлонъ*, состоящій въ безпробудномъ пьянствѣ и перехаживаньи изъ дома въ домъ всѣхъ старыхъ и молодыхъ, при чемъ игнорируют-

ся самыхъ безцеремоннымъ образомъ всѣ приличія въ отношеніи одного пола къ другому, сплошь и рядомъ нарушается супружеская вѣрность и въ концѣ концевъ получается какая—то дикая вакханалія.

Частныя моленія и жертвоприношенія бываютъ по случаю болѣзней или несчастій постигающихъ отдѣльныя семьи. Вотякъ призываетъ ворожца и проситъ помочь ему въ несчастіи; тотъ выпрашиваетъ у Вотяка нѣсколько серебряныхъ монетъ и начинаетъ произносить надъ ними безсвязныя слова, потомъ озирается по сторонамъ и какъ бы шепчется съ кѣмъ то, невидимо присутствующимъ въ избѣ. Если этого мало, потребуетъ отъ Вотяка ковшъ съ водой и смотритъ туда долго, вздуваетъ воду, расплескиваетъ ее по сторонамъ и наконецъ объявляетъ волю боговъ, которые, устами ворожца, отдѣливаются двусмысленными фразами и, повидимому, имѣютъ одни только корыстныя побужденія, потому что непремѣнно потребуютъ принесенія жертвы. Убивается по требованію ворожца одно изъ животныхъ—курица, индѣйка или теленокъ, съ обычными при этомъ обрядами и заклинаніями, угощается *свьясинкой* ворожецъ и тѣмъ дѣло кончено. Больной обращается теперь къ *пельясь* - къ знахарю или знахаркѣ, которые лечатъ по преимуществу раздражающими и сильными средствами, напр. табакомъ, хрѣномъ, рѣдькой, солью, крѣпкой водкой, сулемой и пр. Сифилисъ и другія венерическія болѣзни лечатъ киноварью посредствомъ подкуриванья—и въ большинствѣ случаевъ удачно, хотя бываютъ и такіе случаи, что больной умираетъ въ самыхъ парахъ. Глаза лечатъ первымъ весеннимъ дождемъ, собираемымъ въ сосудъ, куда кладется серебряный крестъ. Всѣ больные промываютъ этой водой свои глаза.

При вольномъ поведеніи и легкихъ нравахъ молодежи, между Вотяками не бываетъ браковъ по увлеченію и страсти, а только браки по экономическимъ расчетамъ и соображеніямъ. Вотякъ беретъ въ женѣ прежде всего работницу и притомъ такую, которая бы была способна къ рожденію дѣтей—будущихъ пособниковъ въ его хозяйствѣ. Отсюда обычай у лыкать дѣвушку и жить съ нею нѣкоторое время, иногда цѣлый годъ или два, внѣ брака, пока она не обнаружитъ выдержанной способности. Въ случаѣ безплодія—дѣвушка отсылается обратно къ родителямъ, а если и выходитъ замужъ, то подвергается упрекамъ и покорамъ какъ отъ му-

жа, такъ и отъ родныхъ его. Практическія выгоды въ этомъ отношеніи преслѣдуютъ иногда Вотяка до того, что онъ часто съ удовольствіемъ женится на незнакомой ему дѣвушкѣ, только бы не праздной.

Браки Вотяковъ бываютъ по преимуществу лѣтомъ и отправляются при слѣдующихъ обрядахъ и церемоніяхъ. Задумалъ отецъ женить своего сына—онъ беретъ *табакерку* съ табакомъ и отправляется въ ту деревню, гдѣ намѣчена заранѣе невѣста. Пріѣхавъ въ деревню, останавливается у какого нибудь знакомаго Вотяка и передаетъ ему о цѣли своего посѣщенія, прося его сходить и посватать указанную дѣвушку. Тотъ беретъ съ собою отъ Вотяка табакерку и идетъ въ домъ невѣсты; здѣсь начинаетъ вести сначала посторонній разговоръ и потомъ незамѣтно переходитъ къ сватовству. Если со стороны родителей невѣсты будутъ намеки на желаніе породниться, посланный вынимаетъ изъ-за пазухи табакерку и подчуетъ всѣхъ домашнихъ нюхательнымъ табакомъ. Принятое угощеніе служитъ хорошимъ знакомъ, а расхваливаніе табаку ручательствомъ, что начатое дѣло состоится: „*Ахъ, какой славный табакъ*“—говорятъ въ этомъ случаѣ Вотяки—„*табакъ хорошъ, значитъ и сватъ хорошъ, какъ не выдатъ за сына его дочь*“.

Послѣ этого посланный уходитъ домой и объявляетъ о результатахъ сватовства отцу жениха. Тотъ одѣвается въ праздничное платье и, захвативъ съ собою хозяина квартиры, отправляется вмѣстѣ съ нимъ въ домъ невѣсты. Здѣсь свата сажаютъ въ *большое мѣсто* (¹) и начинается угощеніе кумышкой. Между тѣмъ собираются въ домъ невѣсты и гости. Подъ шумокъ гостей ведется между отцемъ жениха и невѣсты разговоръ относительно приданаго съ невѣстой и *калыма* за нее. По улаженіи дѣла, выкладывается на столъ калымъ (платятъ отъ 10 до 100 р., смотря по приданому невѣсты), а невѣста, одѣтая въ лучшее платье, проводится въ женскую половину, гдѣ начинаютъ ее угощать кумышкой, спачала мать, затѣмъ родственники и сосѣди—и угощаютъ до пьяна. Послѣ угощенія свата (отца жениха) и невѣсты начинаются проводы послѣдней къ жениху. Невѣсту обязанъ проводить хозяинъ того дома, гдѣ останавливался отецъ жениха. Съ невѣстой вмѣс-

(¹) Передній уголъ.

тѣ везутъ и часть приданаго. При проводахъ обыкновенно невѣста плачетъ и причитаетъ. Привезенное съ невѣстой къ жениху приданое—что получше и поцѣлѣе—развѣшивается по стѣнамъ на показъ всѣмъ гостямъ, которые тотчасъ же идутъ сюда званые и незваные, послѣдніе только посмотрѣть невѣсту. Женщины несутъ съ собой и кумышку, которую ставятъ на одинъ столъ. Когда всѣ гости собрались (жениха здѣсь не бываетъ), невѣста, сидѣвшая до сего времени гдѣ нибудь въ скрытномъ мѣстѣ, дружками ея (*казакъ ныль*) (1) вводится въ общую компату черезъ наложенные женіховыми дружками подъ порогъ еловые сучья, покрытые кускомъ холста. Въ общей избѣ она показывается на самый краткій срокъ и потомъ уводится въ женскую половину (*кышно палъ*), откуда черезъ нѣсколько времени выходитъ съ казакъ-ныль угощать гостей пивомъ и кумышкой; прежде всего угощаетъ родителей, а потомъ и всѣхъ гостей по порядку старшинства, при чемъ встаетъ на колѣни передъ каждымъ гостемъ, а казакъ—ныль подноситъ пиво и кумышку. Лишь только невѣста обнесла всѣхъ гостей, начинается общая попойка. Каждая женщина спѣшитъ съ своей кумышкой на встрѣчу гостямъ и не забываетъ при этомъ главнымъ образомъ невѣсту. Послѣ угощенія невѣсты, казакъ—ныль ведетъ ее, часто совершенно пьяную, въ клѣть, гдѣ приготовлена постель и гдѣ ждетъ ее женихъ. Сюда никто не можетъ явиться изъ людей пожилыхъ и женатыхъ, а только молодежь, которая предается здѣсь самымъ нескромнымъ шуткамъ и пустословію и потомъ, уложивъ жениха и невѣсту спать, уходитъ.

На другой день казакъ—ныль ведутъ невѣсту на рѣку съ ведрами; при рѣкѣ въ банѣ купаютъ ее и потомъ заставляютъ зачерпнуть воды и нести въ домъ, гдѣ уже давно собрались гости. Принесенною съ рѣки водой невѣста начинаетъ обносить всѣхъ гостей. Кто выпилъ—хорошо, кто не выпилъ—тому вода плещется въ глаза. Послѣ этого начинается опять попойка, послѣ которой гости расходятся и разъѣзжаются по домамъ, а невѣста остается въ домѣ жениха на правахъ члена новой семьи. Живетъ здѣсь невѣста неопредѣленный срокъ, иногда нѣсколько мѣсяцевъ, иногда

(1) Дѣвушками.

годъ—два, и только передъ свадьбой уѣзжаетъ въ домъ родителей, гдѣ занимается приготовленіемъ подарковъ своимъ будущимъ свекру и свекрови.

Вотская свадьба бываетъ шумнѣе русской; Вотякъ варитъ къ этому празднику иногда ведеръ до 30-ти одной кумышки. По взаимному соглашенію сватовъ назначается день брака, за нѣсколько дней до котораго является со стороны невѣсты къ жениху посыльный съ приглашеніемъ на свадьбу. Со стороны жениха ѣдутъ человѣкъ 20—25, женихъ же остается въ это время дома. Гости встрѣчаются хозяиномъ во дворѣ; здѣсь на покрытомъ скатертью столѣ разставляется хлѣбъ, соль, полуштофъ кумышки и стаканъ пива. Лишь только всѣ пріѣзжіе вышли изъ своихъ телѣгъ, хозяинъ передъ столомъ начинаетъ молиться Богу о счастіи будущихъ новобрачныхъ и затѣмъ идетъ въ сопровожденіи гостей въ избу. Въ избѣ двое дружекъ (*казакъ пи*) (1) берутъ свѣтецъ, ставятъ его посреди избы, налѣпляютъ сюда восковую свѣчку и обходятъ кругомъ свѣтца три раза съ пѣніемъ религіозныхъ пѣсенъ: *Остэ Инмарэ, Бадзинъ Инмарэ, тушмонъ лы янь сётъ. Инмарэ, зесь малтасесъ иръ выламъ, тушмонъ малпасесъ пыдъ уламъ. Бадзинъ Инмарэ, зечь тудзя сётъ, Инмарэ!* (Господи Боже, Великій Боже, не допусти насъ до несчастія. Господи, кто здѣсь съ добрымъ намѣреніемъ, тѣ пусть будутъ вверху, кто съ злымъ намѣреніемъ, тѣ пусть будутъ подъ ногами. Боже Великій, дай намъ добраго житія). Обошедши свѣтецъ такимъ образомъ три раза, казакъ-ши обращаются къ пріѣзжимъ гостямъ съ слѣдующими словами: „Вотъ мы показали вамъ примѣръ и вы извольте дѣлать тоже". Тогда гости всѣ гурьбой обходятъ около свѣтца три раза съ пѣніемъ тѣхъ же пѣсень, послѣ чего открывается пиршество. Въ продолженіи 3—4 сутокъ пріѣзжіе гости, по приглашенію, ходятъ изъ дома въ домъ къ родственникамъ невѣсты, участвующимъ на брачномъ пиршествѣ. Вмѣстѣ съ ними ходитъ и невѣста. Здѣсь, какъ и въ домѣ невѣсты, бываетъ пляска и пѣнье пѣсень; послѣднія состоятъ изъ импровизацій, содержащихъ по преимуществу покоры хозяевамъ за плохое угощеніе,—напримѣръ: *Ой-до, ой-до, Иванъ кудой, тонъ мынысь тымъ винаясъ уксеты*

(1) Молодые парни.

(ты, Иванъ, негодный человѣкъ, зачѣмъ недаешь намъ вина), или: *Тонъ Анна, самой уродъ кышно мынысь тымъ сiины уксяты* (ты, Анна, недобрая женщина, и ѣсть-то намъ не даешь). Пляска происходитъ всегда подъ игру на вотскихъ 14-ти струнныхъ гусляхъ, хотя монотонныхъ, но довольно мелодичныхъ; она состоитъ изъ мимическихъ движеній, не лишенныхъ сладострастія. Вотякъ и Вотячка становятся другъ противъ друга и долго переступаютъ съ ноги на ногу, потомъ начинаютъ описывать руками въ воздухѣ манящія движенія, пуская въ ходъ прищелкиванье языкомъ, морганіе глазами, хлопанье въ ладоши. Послѣ этихъ вызывающихъ движеній пляшущіе начинаютъ между собою сходиться и расходиться, постепенно учащая ритмъ движеній до crescendo. Наконецъ пара схватилась руками и начала отбивать ногами дробь и безпорядочно кружиться на одномъ мѣстѣ. Это финалъ пляски. Въ изнеможеніи бросаются плясуны на лавки, и выходитъ другая пара, которая продѣлываетъ тоже. Вотячки, во время пляски, стоя съ чарками кумышки, распѣваютъ свои импровизаціи, направляемыя къ одобренію или порицанію пляшущихъ и тутъ же не забываютъ ругнуть хозяевъ за плохое угощеніе, хотя сами уже едва стоятъ на ногахъ. На всѣхъ пирахъ невѣста даритъ гостей со стороны жениха полотенцами.

По прошествіи 3—4 сутокъ гости начинаютъ собираться домой, съ ними собирается и невѣста къ жениху, забирая съ собою все приданое. Когда гости всѣ разсѣлись по своимъ тарантасамъ, невѣста и казакъ-нылъ обходятъ кругомъ по три раза каждый тарантасъ съ пѣшіемъ пѣсенъ, въ которыхъ просятъ Бога, чтобы Онъ не допустилъ дорогой до какого нибудь несчастія, чтобы спасъ ихъ отъ колдуновъ, пускающихъ по вѣтру болѣзни и недуги на человѣка. Когда невѣста обошла всѣ тарантасы, ее усаживаютъ въ приготовленную для нея повозку, и поѣздъ отправляется съ звономъ колокольчиковъ и шумомъ.

Изъ дома жениха невѣста вмѣстѣ съ нимъ, послѣ нѣкоторыхъ обрядовъ—каковы заплетаніе ей косы и поднесеніе участвующими въ этомъ женщинами денежныхъ подарковъ отъ 2 до 10 к., непремѣнно черезъ платокъ или фартукъ—ѣдетъ въ церковь, гдѣ, во время вѣнчанья, не открываетъ своего лица. На другой день послѣ вѣнца молодая опять купается въ рѣчкѣ по требованію своихъ подругъ и нако-

нецъ въ послѣдній разъ во всей одеждѣ во время сѣнокоса въ первый годъ замужества, послѣ чего оставляется уже навсегда въ покоѣ.

Вотяки имѣютъ своеобразное представленіе о загробной жизни. По понятіямъ ихъ—умершіе живутъ за гробомъ тою же жизнію и при той же обстановкѣ, при которой жили здѣсь, на землѣ. Эти же умершіе незримо для живыхъ навѣщаютъ отъ времени до времени тѣ семьи, въ которыхъ они жили до своей смерти, заботятся о живыхъ, но чаще преслѣдуютъ ихъ и насылаютъ бѣды и напасти. Отсюда обычай—умершихъ какъ можно скорѣе выпроваживать изъ дома на погостъ и хоронить, а вещи, близко напоминающіе о нихъ, или убирать съ глазъ, или же, если онѣ малоцѣнны, выбрасывать. Такъ выбрасывается постель, на которой спалъ умершій, выбрасываются рубашка, лапти и др. вещи (1). Всѣ предметы, особенно любимые умершими при жизни, и даже такіе, которые чаще всего употреблялись имъ, кладутся съ нимъ въ гробъ. Жена кладетъ мужу лучшую перемѣну нижняго бѣлья, трубку, кочедыкъ; мать своему ребенку—соску, игрушки и яйца; мужъ женѣ—лучшій изъ ея парядовъ, и затѣмъ всѣмъ постоянно кладутся въ гробъ серебряныя деньги, отъ гривенника до рубля.

Дни поминовенія усопшихъ у Вотяковъ тѣ же, какіе въ православной церкви. Умершихъ поминаютъ „безъ церковнаго пѣнія—безъ ладана“ у себя дома и въ лѣсу за неизбѣжными табонями, кумышкой и яйцами. Прежде чѣмъ приступить къ трапезѣ, старшій изъ членовъ семьи испытываетъ—мирно-ли живутъ его родители и родственники за гробомъ, для чего отдастъ первые табони окружающимъ его собакамъ; если подачка раздѣлена этими животными мирно, значитъ и родственники живутъ за гробомъ въ согласіи и дружбѣ, если же подачка вызвала между собаками ссору, то явный знакъ, что идутъ раздоры между умершими и слѣдовательно нужно ихъ примирить молитвами и просьбами, которыя состоятъ изъ фразъ, прямо относящихся къ дѣлу и лаконичныхъ. Послѣ этого Вотяки начинаютъ ѣсть табони

---

(1) Выбрасываются эти вещи и съ другою цѣлію—это дать возможность покровительствовавшимъ умершему при жизни божкамъ укрыться въ нихъ отъ холода.

и запивать кумышкой. Каждый ѣстъ самъ и не забываетъ своихъ родственниковъ: онъ отрываетъ кусокъ блина, бросаетъ его за печь и обливаетъ кумышкой. Воображаемые желудки усопшихъ, конечно, не принимаютъ подачекъ и кумышка разливается изъ-за печи ручьями, а блины остаются гнить за печью. Справивъ такимъ образомъ поминки дома, Вотяки ѣдутъ семьями въ лѣсъ и поминаютъ усопшихъ подъ елями и соснами. Здѣсь въ общихъ чертахъ поминовеніе совершается тѣмъ же порядкомъ, только снѣди и кумышка закапываются уже въ землю, и затѣмъ начинаются вызыванія любимыхъ усопшихъ, причитанія и жалобы на горькую долю. Насколько безмолвными остаются усопшіе къ причитаніямъ и плачу Вотяковъ, и равнодушными къ ихъ яствамъ и питіямъ, настолько Вотяки въ концѣ концовъ становятся говорливы и бурливы. Подъ вліяніемъ кумышки, а еще болѣе—подъ вліяніемъ охватившаго ихъ чувства жизни, при созерцаніи красотъ природы, слезы обсохли, начались житейскіе разговоры и послышались кой-гдѣ пѣсни съ обычнымъ припѣвомъ: *ой-до, ой-до!*. И не мудрено: здѣсь такъ много живящаго душу и заставляющаго забыть горести и утраты,—и солнышко привѣтливо смотрящее на Вотяка и согрѣвающее его, и могучія сосны и ели, прямо говорящія о жизни, и наконецъ этотъ чистый воздухъ, напоенный ароматами и благоуханіемъ...

Дѣти—тѣ съ появленіемъ въ лѣсъ уже забыли о плачѣ и рыданіяхъ. Весело рѣзвятся они на молодой травкѣ и бѣгаютъ въ запуски, играютъ въ мячъ и бабки. Я бывалъ на вотскихъ поминкахъ въ лѣсу и мнѣ всегда приходили здѣсь на мысль стихи безсмертнаго Пушкина:

„И пусть у гробоваго входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять".

V.

Вотякъ отъ природы надѣленъ довольно свѣтлымъ умомъ и наблюдательностью. Мы видѣли, что онъ дальше русскаго крестьянина загляпулъ въ тайны природы какъ земледѣлецъ и какъ пчеловодъ; не уступаетъ онъ ему и въ нѣкоторыхъ

другихъ профессіяхъ. Въ земскихъ собраніяхъ Вотяки—гласные отличаются смышленостью и изворотливостью ума по довольно сложнымъ хозяйственнымъ и экономическимъ вопросамъ. Въ торговыхъ дѣлахъ они также знаютъ толкъ и часто неграмотные ведутъ торговлю на значительные капиталы. Но самымъ лучшимъ мѣриломъ умственныхъ способностей Вотяка служитъ, безъ сомнѣнія, школа. Посмотримъ, какъ они успѣваютъ здѣсь. А здѣсь всѣ народные учителя, практиковавшіе въ вотскихъ школахъ, говорятъ: „на первыхъ порахъ поступленія въ школу, пока еще вотскіе дѣти не освоились съ русскимъ языкомъ, они пожалуй и уступятъ первенство русскимъ мальчикамъ, но потомъ уже не отстаютъ отъ нихъ и даже превосходятъ". Я же съ своей стороны къ этой аттестаціи прибавлю, что у вотскихъ дѣтей, преимущественно предъ другими способностями и даже въ ущербъ имъ, преобладаетъ память мѣста. Мнѣ часто на экзаменахъ доводилось сталкиваться съ такими фактами. Мальчикъ на предложенный ему вопросъ не отвѣчаетъ, но откроетъ ему книгу на томъ мѣстѣ, гдѣ спрошенъ урокъ, не показывая при этомъ текста, и мальчикъ начинаетъ бойко отвѣчать. Въ силу этого же, вѣроятно, вотскія дѣти труднѣе русскихъ обучаются счисленію безъ помощи наглядныхъ пособій. Откуда эта способность? Если не ошибаюсь, она унаслѣдована отъ предковъ, жившихъ въ лѣсу, гдѣ они постоянно должны были ориентироваться, что бы не сбиться съ дороги, не потерять своего жилища.

Вотскіе дѣти прилежны, что и даетъ имъ возможность часто превосходить по успѣхамъ русскихъ дѣтей. Это зависитъ отчасти отъ темперамента ребенка, но болѣе всего отъ самолюбія его. Въ этомъ случаѣ, какъ увидимъ ниже, *filius similis patri*. Вотскій мальчикъ крайне чувствителенъ къ замѣчаніямъ, выговорамъ и упрекамъ учителя за неисправность и очень любитъ похвалы или, выражаясь технически, глаженіе по головкѣ, а потому учится старательно. Эта деликатность натуры сама собой обязываетъ учителя крайне осторожно обращаться въ школѣ съ вотскими дѣтьми и именно обращаться отечески. Больно бываетъ смотрѣть на страданія личнаго *я* этого маленькаго человѣка, когда на предложенный ему со стороны учителя вопросъ,—вопросъ ему хорошо знакомый,—онъ затрудняется отвѣчать только потому, что не можетъ подыскать подходящихъ русскихъ словъ и обо-

ротовъ рѣчи. Краснѣетъ онъ тогда, напрягаетъ всѣ свои мускулы, переступаетъ съ ноги на ногу, покачивается, простираетъ руки впередъ, какъ бы желая поймать русское слово или оборотъ рѣчи, но напрасно. Пусть теперь скорѣе поддержитъ его учитель, иначе онъ заплачетъ—досадно ему и совѣстно. Превосходнѣйшимъ средствомъ къ ознакомленію дѣтей съ русскою рѣчью служитъ пѣніе церковныхъ пѣсней и молитвъ. Пѣть и пѣть какъ можно больше нужно съ этими дѣтьми, и они скоро освоятся съ русской рѣчью. Въ этомъ случаѣ хорошо бы дѣлать даже такъ: пѣть церковныя пѣсни сначала въ переводѣ на русскій языкъ. Кажется, инстинктивно сознаютъ образовательное значеніе пѣнія и сами родители Вотяки: они весьма охотно отдаютъ дѣтей въ ту школу, гдѣ практикуется пѣніе, особенно съ образованіемъ изъ ихъ дѣтей хора при церкви. Впрочемъ здѣсь дѣйствуетъ еще и другой стимулъ, заставляющій Вотяка сочувственно относиться къ пѣнію въ церкви: это сознаніе солидарности ихъ съ русскими въ прославленіи истиннаго Бога. Я знаю два прихода, гдѣ достойные священнослужители этимъ средствомъ привлекли въ школы дѣтей, а въ церковь свою паству, которая наконецъ сама стала принимать участіе въ церковномъ пѣніи во время богослуженій и выучила наизусть молитвы и всѣ важнѣйшія пѣснопѣнія церкви. Слѣдовало бы этотъ фактъ принять къ свѣдѣнію священнослужителямъ и другихъ приходовъ. Я убѣжденъ, что ихъ миссіонерскіе труды по отношенію къ Вотякамъ должны состоять предварительно не въ разглагольствованіяхъ, которыхъ Вотяки не понимаютъ, а въ церковномъ пѣніи, которое дѣйствуетъ на чувство.

Количество обучающихся вотскихъ дѣтей въ 1878 году было: мальчиковъ 423 и дѣвочекъ 11, слѣдовательно 1 учащійся на 175,8; отношеніе повидимому неблагопріятное, тѣмъ не менѣе образованіе между Вотяками идетъ, хотя и медленно, но впередъ, такъ какъ 5 лѣтъ тому назадъ (въ 1873 году) считался только 1 учащійся на 223.6 человѣкъ.

Здѣсь я приведу нѣкоторыя примѣты, загадки, пословицы и пѣсни Вотяковъ, которыя со стороны полноты хотя и не могутъ имѣть большаго значенія, тѣмъ не менѣе дадутъ нѣкоторое понятіе о міросозерцаніи Вотяковъ, объ ихъ умственныхъ способностяхъ и младенческомъ творчествѣ.

ПРИМѢТЫ.

Бросаютъ лутошку на нѣкоторое время зимой въ снѣгъ; если она покроется темными пятнами, то будетъ урожай на горохъ.

Если елка и пихта покрываются въ лѣтнее время сильно лишаями, будетъ урожай на ячмень.

Если изрываютъ свиньи лужокъ, то урожая ржи не будетъ.

Если во время паденія снѣга зимой, онъ липнетъ къ стѣнамъ, то пчелы дадутъ много роевъ.

Берутъ нѣсколько горстей земли съ поля въ Георгіевъ день, куда садятъ сѣмена яроваго хлѣба. Если сѣмена взойдутъ черезъ три дня, то будетъ хорошъ ранній посѣвъ, если не взойдутъ—поздній.

Берутъ первыя три яйца отъ одной курицы и вѣсятъ ихъ. Если болѣе тяжелымъ противъ прочихъ окажется первое яйцо, то первый посѣвъ будетъ надежнѣе, если второе—второй, третье—третій, или самый поздній.

Какого рода хлѣбъ въ зернѣ истребляютъ по преимуществу мыши въ закромахъ, на тотъ родъ хлѣба и будетъ неурожай.

Если вода весной разлилась вдругъ, то первый посѣвъ дастъ обильнѣе жатву, чѣмъ второй и третій; если вода разливалась не вдругъ, а постепенно, то послѣдній посѣвъ будетъ удачнѣе.

Если утка высоко надъ берегомъ кладетъ свои яйца, будетъ большой разливъ вешней воды.

Если бѣлка сдѣлала большой запасъ орѣховъ въ своей норѣ, будетъ продолжительная и холодная зима.

Если мыши сильно тащатъ зерно и картофель въ свои норы, нужно ожидать также холодной и продолжительной зимы.

Поздній прилетъ перелетныхъ птицъ весной обѣщаетъ продолжительную и холодную весну, ранній отлетъ осенью—холодную осень и зиму.

ЗАГАДКИ.

Корка котыръ си валъ гозы.
Кышетъ кышьямъ берзядосъ.

Между бревнами избы лежатъ веревки.—Мохъ.

Платокъ въ дырахъ, кто на него взглянетъ, то заплачетъ.—Лукъ.

Корка сигынъ лысъ бугоръ.

Силэсъ сiиса—сiиса, угбытты.

Боддоръ узсерыськы вулэ лезитъ кериськотъ.

Ву ко-кэ пызъ вятлэмъ котыръ-тысь.

Читыръ чутыръ кытцы мыныськотъ восенъ бабылэсъ возьмаськo.

Надъ избой выше вьюшекъ синiй дымъ идетъ клубомъ.—Голуби.

Мясо ѣшь—ѣшь, не кончишь.—Брусъ, на которомъ точатъ ножи.

Въ стѣну брось—не разобьешь, въ воду брось—разорвется.—Бумага.

Отъ воды между камнями идетъ мука.—Жерновъ.

Криво-лукаво, куда побѣжало? Зелено-кудряво, тебя стеречи (¹).—Прясло.

ПОСЛОВИЦЫ.

Кабезья кутъ.

Вилэсъ-я дэдiясъ.

Кузёясъ-я порясъ.

Дечь улъ адяміосъ-янъ Инмаръ яратосъ.

Бадзинъ яксей гынзе биньса угбытты.

Бадзинъ яксей лэсь табазэ берыктыны удворты.

Сюрзясъ яктозъ, налезъ чепкозъ.

Мыномъ шуозь кудызъ пукомъ, кудызь сыломъ, кудызъ кыллэмъ.

По колодкѣ и лапоть.

По лошади сани.

По мужѣ жена.

Хорошо живи съ людьми, тогда Богъ полюбитъ.

Царь не можетъ преградить дороги.

И царь не можетъ поворотить сковороды. (Токъ, гдѣ вѣютъ жито).

Хвостъ лошади пляшетъ, а ноги топаютъ.

Лѣсъ стоитъ, колоды въ лѣсу лежатъ, пни сидятъ.

ПѢСНИ.

Кытцы ветлитъ кудое?
Турымъ вайны монъ ветлэ.
Мась кароть турымэнъ?
Мы намъ эвелъ турымэ,
Мынымъ кулявалъ сюдыны

Куда ѣздилъ сватушка?
Я ѣздилъ за сѣномъ на луга.
На что тебѣ сѣно?

Лошадь кормить.

(¹) Вольный переводъ.

Мынамъ эвелъ сезіэно турымено.
Манинъ сюдомъ мы намъ валэ кулозы.
Кулозэ-ке валъ,
Тушъ жаль потэ.
Турыменъ монъ суралтомъ.

Кытцы ветлитъ, уромэ?
Тукъ бицяпы монъ ветлэ.
Кытынъ кэлетъ уромэ?
Бусъэнъ капка монъ кэлэ.
Ти-но-піёсъ, ми нопыльсесъ, малы угъ учкыски милемысъ? Ай Дупай, бай Дупай, *маторъ кизляръ* (1), кай Дупай.

У меня нѣтъ ни сѣна ни овса.
Если не кормить лошадь, то можетъ пасть.
Падетъ лошадь,
Мнѣ очень жаль будетъ.
Съ сѣномъ я буду лошади кормъ мѣшать.
Куда ходишь, дружокъ?
Хмѣль собирать ходилъ.
Гдѣ ты спалъ-почевалъ?
У полевыхъ воротъ я спалъ.
Вы мальчики, мы дѣвочки, зачѣмъ вы не смотрите на насъ? Ай Дупай, бай Дупай, маторъ кизляръ, кай Дупай.

Ой, па меня
Бѣда большой былъ:
Лошадка три былъ
И двѣ пропадилъ,
Остался одинъ;
Ковечки (овечки) три былъ,
Всѣ пропадилъ;
Телепочки былъ
И тотъ пропадилъ.
Кумышку я пилъ,
Сосѣдомъ ходилъ,
Совѣтался съ нимъ,
Что мнѣ дѣлать?
Сосѣдъ мнѣ сказалъ—
Гондыря позвать.
Домой я пришелъ
Все женкѣ сказалъ.
Утромъ рано вставалъ,
За гондыремъ ходилъ,
Гондыря позвалъ,
Съ нимъ въ конюшня ходилъ,
Лошадку казалъ;
Лошадь гондырь нюхалъ

(1) Татарское выраженіе.

И все тамъ плясалъ;
Клѣвомъ гондырь водилъ
И изба проводилъ,
Кумышка попилъ
И гондырь плясалъ.
Гостей созывалъ,
Все горе забылъ;
Сосѣдомъ спасибо сказалъ,
Что онъ научилъ
Гондыря позвать,
Лошадка мой живъ
Остался теперь,
Какъ гондырь побывалъ(1).

VI.

Вотякъ религіозенъ. Въ церкви онъ молится съ искреннимъ душевнымъ расположеніемъ; постоянно вздыхаетъ и шепчетъ краткую молитву: „Господи помилуй, Господи прости“. Изъ святыхъ угодниковъ Божіихъ онъ чтитъ особенно Святителя и Чудотворца Николая, передъ образомъ котораго считаетъ обязанностію каждый разъ, когда бываетъ въ церкви, ставить свѣчу. Кромѣ того, на поклоненіе чудотворному образу того же Святителя, Вотяки каждогодно сотнями отправляются великимъ постомъ въ село Березовку, Уфимской губерніи.

Къ духовенству Вотякъ расположенъ; онъ обильнѣе русскаго надѣляетъ причтъ хлѣбомъ и деньгами, даже доставляетъ ему лѣсъ и дрова. Въ кереметн свои Вотякъ иногда допускаетъ духовенство являться съ иконами, служить здѣсь молебны и кропить св. водою приносимыя Вотяками языческія жертвы. Въ присутствіи причта Вотякъ въ кереметн молится св. иконамъ, ставитъ имъ свѣчи, вообще ведетъ себя похристіански. Отсюда исключаются старые и фанатичные Вотяки, попасть къ которымъ въ кереметь небезопасно. Лѣтъ 25-ть тому назадъ одинъ изъ священниковъ здѣсь чуть не поплатился жизнію; задумавъ поприжать Вотяковъ, онъ поѣхалъ къ нимъ ночью въ кереметь и сталъ не попастырски

(1) Образецъ пѣсни на русскомъ языкѣ, которыхъ у Вотяковъ весьма много,—въ особенности же не совсѣмъ скромнаго содержанія.

бранить ее и угрожать имъ. Всѣ Вотяки были уже пьяные и, недолго думая, бросили священника въ пылающій костеръ, но къ счастію его выручилъ одинъ изъ болѣе благоразумныхъ Вотяковъ: онъ уговорилъ товарищей просто связать священника и представить, какъ дебошира, въ правленіе.

Въ семьѣ своей Вотякъ кротокъ и миролюбивъ, за что пользуется отъ младшихъ членовъ семьи почетомъ и уваженіемъ. Съ своимъ собратомъ Вотякомъ сохраняетъ самыя тѣсныя дружественныя отношенія, по которымъ каждый Вотякъ имѣетъ доступъ къ другому при всѣхъ встрѣчающихся неблагопріятныхъ случаяхъ жизни. Недостало у Вотяка хлѣба для обсѣменѣнія полей, онъ идетъ къ сосѣду и получаетъ нужное; осталась не выжатой его полоса въ полѣ за болѣзнію, ее выжнутъ услужливые сосѣди. Попалъ Вотякъ въ бѣду, вся деревня за него ходатайствуетъ и, гдѣ нужно, не жалѣетъ денегъ. Немощныхъ и убогихъ Вотякъ призираетъ лучше русскаго, потому здѣсь нѣтъ ни нищенства, ни попрошайничества.

Въ государственной и общественной жизни Вотякъ безупреченъ; онъ исправный плательщикъ податей и повинностей, и недоимокъ за нимъ никогда небываетъ.

Изъ слабыхъ сторонъ въ душевныхъ качествахъ Вотяка нужно сказать прежде всего о гордости и самолюбіи. Вотякъ гордъ и самолюбивъ. Это видно изъ того презрительнаго обращенія его съ русскимъ, по которому онъ не называетъ его по имени, а непремѣнно полуименемъ, будь это священникъ, старшина, писарь,—между тѣмъ какъ себя всегда величаетъ по имени и отчеству. Съ волостнымъ начальствомъ онъ обращается презрительно и надменно. Если онъ имѣетъ нужду въ писарѣ или старшинѣ, то никогда почти не является къ нимъ самъ, а вызываетъ изъ правленія черезъ другое лицо: „пошли мнѣ Ваську, Ваньку“. Явившись въ правленіе по дѣлу, Вотякъ не снимаетъ шапки, подастъ руку начальству, спокойно закуриваетъ трубку, облокачивается на старшину и писаря и, на замѣчаніе о невѣжествѣ и непочтительности, отвѣтитъ: „отъ насъ же деньги получаете, ну, и служите намъ“. Эта же гордость и самолюбіе Вотяка заставляютъ его требовать почестей и уваженья себѣ, покупаемаго иногда цѣною униженій. Если кто нибудь изъ причта не принялъ Вотяка въ праздникъ, не угостилъ его и не обласкалъ, тотъ напрасно поѣдетъ къ нему за сборомъ руги. Вотякъ не дастъ ему ни-

чего, даже не покажется ему. Въ день ангела своего во многихъ приходахъ зажиточные Вотяки обходятъ причтъ и богатыхъ русскихъ мужиковъ съ бутылками вина и просятъ хозяевъ отпить изъ нихъ и поздравить именинника съ ангеломъ. При неномѣрномъ самолюбіи Вотякъ любитъ расточаемыя ему похвалы и потому, особенно подъ хмѣлькомъ, часто фигурируетъ въ роли крыловской вороны при столкновеніи съ русскими. При денежныхъ сдѣлкахъ русскій часто поступаетъ съ Вотякомъ такъ: онъ разсыпается передъ нимъ въ похвалахъ и угощаетъ его рюмка за рюмкой водкой, отчего тотъ дѣлается благодушнѣе и щедрѣе, а хозяинъ назойливѣе и назойливѣе проситъ прибавки къ выданнымъ Вотякомъ деньгамъ. Послѣдній лѣзетъ въ одинъ карманъ, въ другой, за пазуху, за опучи и все подбавляетъ по немногу, то на какого нибудь Ивана Иваныча, то на Сидора Сидоровича, то на всѣхъ вмѣстѣ, то на каждаго порознь и наконецъ, выведенный изъ терпѣнія, вскрикиваетъ: „окма! давалъ, давалъ, да и умъ кончалъ“. Теперь только хозяинъ отпускаетъ Вотяка домой съ значительно облегченнымъ кошелькомъ.

Гордость и самолюбіе не позволяютъ Вотяку переносить оскорбленій и обидъ. Оскорбленный Вотякъ мститель; онъ всюду шлетъ проклятія на голову оскорбителя и даже въ молитвѣ взываетъ о мщеніи: „Бачка Никола, рука, нога ломай ему (врагу), курушенько (хорошенько) ломай“. Если злоба оскорбленнаго Вотяка не будетъ укрощена примиреніемъ, то Вотякъ къ физической силѣ не прибѣгаетъ,—онъ отмститъ врагу собственнымъ своимъ удавленіемъ; въ такомъ случаѣ огородъ или ворота врага бываютъ театромъ страшной катастрофы къ ужасу всей вотской деревни вообще и къ ужасу врага въ частности. Месть эта по отношенію къ Вотякамъ одна изъ злѣйшихъ, во 1-хъ потому, что они боятся слѣдственныхъ дѣлъ и проволочекъ по судамъ, во 2-хъ у нихъ есть повѣрье, что самоубійцы эти страшно мстительны къ живымъ даже и по смерти; они насылаютъ всевозможныя бѣды и напасти. Кстати о трусости Вотяка, вызывающей также не рѣдко, какъ увидимъ ниже, самоубійство черезъ повѣшеніе. Въ высшей степени суевѣрный, Вотякъ повсюду считаетъ себя окруженнымъ злыми духами и тѣнями умершихъ и во всякомъ обыкновенномъ явленіи природы видитъ предзнаменованіе несчастій. Прокричала ли на дому сова, завыла ли собака, застонала ли отъ сильнаго напора вѣтра сосна,

Вотякъ уже ждетъ несчастій—и какъ ждетъ: всполошится вся деревня, начнется бѣготня изъ дома въ домъ, пойдутъ соболѣзнованія и толки. Я самъ былъ очевидцемъ того, какъ Вотяки цѣлой гурьбой пришли къ волостному писарю и предсказывали ему близкую смерть по поводу прокричавшей на крышѣ дома какой то птицы. Я самъ видѣлъ возню Вотяковъ съ бочками и пожарными инструментами, которые они тащили къ волостному правленью въ ожиданьи, что вотъ оно загорится, потому что сторожъ усмотрѣлъ выползающихъ (лѣтомъ) изъ правленья таракановъ. Еще болѣе трусливъ Вотякъ въ обращеніи съ русскими, особенно если онъ чувствуетъ себя виновнымъ въ проступкѣ или преступленіи. Малѣйшее запугиваніе посѣляетъ въ немъ паническій страхъ и заставляетъ иногда платиться всѣми скопленными деньгами,— это въ благопріятномъ случаѣ, а то бываетъ часто такъ, что запуганный Вотякъ, хотя бы онъ не зналъ за собой никакой вины, боясь одной процедуры суда, предастся глубокому унынію, не выдерживаетъ и лѣзетъ въ петлю. И какъ хладнокровно прибѣгаетъ къ самоубійству Вотякъ: онъ беретъ въ руки первую попавшуюся ему веревку, подвязываетъ ее къ прялу или дереву—и дѣло кончено. Ничего, что ноги его будутъ касаться земли; онъ усилится затянуть петлю руками и станетъ на колѣни. Скажу здѣсь мимоходомъ: не мѣшало бы, кому слѣдуетъ, предупреждать подобныя несчастія, тѣмъ болѣе, что всегда можно предвидѣть скверный исходъ для Вотяка, если онъ началъ задумываться и отказываться отъ пищи.

Изъ другихъ недостатковъ и слабостей Вотяка слѣдуетъ упомянуть о скрытности и хитрости его. Если вы пробираетесь въ вотскую деревню, не спрашивайте дороги туда Вотяка той деревни; онъ не покажетъ вамъ ее, но какъ Пиѳія, дастъ двусмысленный отвѣтъ: „*права коди* (вправо поѣзжай), *льво коди*“, или „*право не коди и льва не коди*“. Не ищите Вотяка дома, если онъ слышалъ вашъ колокольчикъ при въѣздѣ въ деревню; онъ запрятался куда нибудь на сѣновалъ, въ сарай или подъ овинъ. На всѣ распросы русскаго незнакомаго человѣка Вотячка не дастъ другого отвѣта, кромѣ „*уктоцке*“ (непонимаю), хотя бы и хорошо говорила по русски. Нельзя судить о зажиточности Вотяка по деньгамъ въ его мошнѣ; ихъ тамъ только малая часть, крупные же куши разложены по секретнымъ карманамъ его сухмана,

въ чулкахъ и опучахъ. Вотякъ будетъ увѣрять васъ, что у него нѣтъ куска хлѣба, тогда какъ въ разныхъ углахъ его подполья закопаны въ землѣ иногда большія суммы, а на гумнѣ десятками стоятъ не обмолоченные скирды. Если Вотякъ имѣетъ до васъ дѣло, не думайте, что онъ сейчасъ заговоритъ о немъ; нѣтъ, онъ спачала постоитъ молча, потомъ заговоритъ о совершенно постороннемъ предметѣ и наконецъ уже, когда увидитъ по выраженію вашего лица, что вы въ хорошемъ расположеніи духа, заговоритъ о дѣлѣ. Иначе онъ нѣсколько дней къ ряду будетъ навѣщать васъ, стоять въ углу, переминаться, уходить и опять возвращаться. А какую личину надѣваетъ Вотякъ, когда видитъ въ хитрости средство къ самозащитѣ. Въ отвѣтъ на упреки священника за пристрастіе къ языческимъ обрядамъ—онъ будетъ брашть кереметь и всѣхъ своихъ божковъ, но лишь отойдетъ въ сторону, говоритъ другое: *ныпъ, кереметь не гулялъ, да обечка* (овечку) *не рѣзалъ, такъ и дождя не видалъ.* Онъ привезетъ того же священника для исповѣди такого больнаго, который уже давно померъ. Онъ, наконецъ, отлично разыграетъ роль болѣзненнаго и слабаго, не употребляя пищи по цѣлой недѣлѣ, когда призывается къ врачебному свидѣтельству по случаю призыва къ отбыванію воинской повинности и пр. и проч. Конечно, всѣ эти дурныя стороны въ Вотякѣ суть не болѣе, какъ послѣдствія поселенія его между сильными племенами, каковы русскіе и татары. Вотякъ много терпѣлъ отъ нихъ съ своей первобытной простотой и наконецъ похоронилъ вещественныя сбереженія въ землѣ, а духовныя богатства—искренность, чистосердечіе и проч.—подъ корой хитрости и лукавства. Въ самомъ дѣлѣ, кто обирался воромъ? Вотякъ; и естественно,—у него всѣ приспособленія къ обереженію своего добра были въ первобытномъ состояніи: онъ не зналъ ни замковъ, ни запоровъ. Кто терпѣлъ отъ прежняго взяточничества? Вотякъ; онъ платился деньгами и за то, что въ семьѣ его умиралъ человѣкъ (безъ исповѣди). Кто подвергался наконецъ шантажамъ отъ проходимцевъ? Онъ же бѣдный Вотякъ за какую-нибудь зарѣзанную имъ курицу отдѣлывался сотнями рублей (1). Недаромъ говоритъ Вотякъ: *„деньга копилъ,*

(1) Фактъ: одинъ волостной писарь возвелъ въ преступленіе простое зарѣзаніе Вотякомъ курицы, пристращалъ его судомъ и взялъ съ него 400 рублей. Подобныхъ фактовъ всѣхъ не перечесть.

бѣда купилъ". Да еще говорятъ что Вотяки скупы и что отъ скупости хоронятъ деньги въ землю. Нѣтъ, всѣ близко знающіе ихъ говорятъ, что они добрый и гостепріимный народъ, а духовенство называетъ ихъ своими попльцами и кормильцами и честными тружениками. Да, дѣйствительно Вотяки честны. Недавно еще стали заводиться между ними мелкіе мошенники и воры, старожилы же изъ духовенства еще помнятъ то время, когда Вотяки вовсе не знали этихъ пороковъ. Да и видно, что они новички въ воровствѣ; всѣ преступленія этого рода совершаются ими подѣтски. Вотякъ или посылаетъ на кражу малолѣтковъ, которые, разумѣется, сейчасъ же все и разболтаютъ; или онъ лѣзетъ въ клѣть самъ, вынимаетъ оттуда деньги и несетъ ихъ прямо въ кабакъ, гдѣ и накрывается съ поличнымъ—и все въ этомъ родѣ. Вотъ и еще грѣшокъ за Вотяками: они берутъ на себя исправленіе коммиссій завзятыхъ конокрадовъ татаръ, подгашиваютъ имъ по указанію лошадей и за все это получаютъ не больше какъ на водку. Крупныхъ преступленій, наприм. убійствъ съ корыстною цѣлью, Вотяки не знаютъ; прибѣгаютъ они иногда къ убійству, но только въ защиту отъ дерзкаго вора, преслѣдовавшаго ихъ постоянно. Въ этомъ случаѣ они расправляются силой цѣлой деревни и уже не стараются о скрытіи слѣдовъ преступленія.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о вотскомъ языкѣ. Кругъ понятій Вотяка, какъ и всякаго народа, стоящаго на низкой степени культуры, крайне ограниченъ. Всѣ понятія ихъ заимствованы отъ предметовъ, дѣйствующихъ на ихъ чувства и употребительныхъ въ ихъ жизни, и весьма малое количество понятій приняты на вѣру отъ предковъ, каковы понятія, относящіеся до религіознаго культа. Отсюда количество словъ въ вотскомъ языкѣ весьма ограниченно. По языку Вотяковъ можно только прослѣдить часть нуждъ ихъ, источники ихъ продовольствія, занятія ихъ въ прежней жизни—и только; да и въ этомъ отношеніи замѣчается бѣдность въ словахъ, заставляющая прибѣгать къ описаніямъ предметовъ,—напримѣръ *погоди* выражать словами: *возмасаулъ* (не торопись жить), *рыбакъ* словами: *чарыкъ кутызъ* (ловецъ рыбы) и проч., а также однимъ словомъ выражать различныя понятія, какъ напр. словомъ *кутъ* понятія: лапоть, муха и дѣйствіе ловить; въ

различномъ измѣненіи это слово даетъ цѣлую фразу: *кутъ кутэнъ кутязъ* (лови муху лаптемъ). Словъ выражающихъ два различныя понятія здѣсь можно насчитать довольно много, и встрѣчаются даже такія превращенія, что одна часть рѣчи употребляется вмѣсто другой;—такъ *улэ* значитъ жилъ, а этотъ же глаголъ, передъ именемъ существ., имѣетъ значеніе предлога.

Кромѣ бѣдности въ словахъ для выраженія понятій—вотскій языкъ замѣтно теряется и искажается. Уже языкъ, практикующійся въ одномъ Сарапульскомъ уѣздѣ, представляетъ въ этомъ отношеніи такія уклоненія и измѣненія въ различныхъ мѣстностяхъ, что затрудняетъ Вотяковъ одной мѣстности свободно изъясняться съ Вотяками другой. Возьмемъ на выдержку разницу въ выраженіи понятій словами, существующую между Вотяками Шаркапскаго и Пургинскаго приходовъ; первые живутъ въ сѣверной части уѣзда, вторые—въ южной.

Въ Шарканѣ:	Въ Пургѣ:
Отецъ—дядя.	Отецъ—атай, отай.
Уголь—булъ.	Уголь—эгеръ.
Птица—папа.	Птица—непечатное слово.
Малый—пичи.	Малый—покчи.
Хорошо—ява.	Хорошо—ятэ.
Да—отэ.	Да—оа.
Скоро—серыкъ.	Скоро—челякъ.
Принеси скорѣй углей:	Принеси скорѣй углей:
Серыкъ булъ нуискы.	Челякъ эгеръ нуискы.

Эти-то уклоненія въ языкѣ различныхъ мѣстностей заставляютъ учителя, перемѣщающагося изъ одного вотскаго училища въ другое, покрайней мѣрѣ въ теченіи года приправливаться къ языку новой для него вотской мѣстности. Лексиконы же могутъ употребляться только въ той мѣстности, на нарѣчіи которой они составлены; попавши въ другую мѣстность они не только непригодны, но могутъ даже служить къ соблазну учащихся, какъ это и было въ одной школѣ. Ученики читаютъ одно мѣсто изъ вотской азбуки и смѣются. Учитель спрашиваетъ о причинѣ смѣха; тѣ молчатъ и наконецъ одинъ изъ болѣе бойкихъ отвѣчаетъ, что въ книжкѣ нехорошо написано. Оказалось дѣйствительно, что невинное

на одномъ парѣчіи слово—на другомъ было непригодно для печати.

Что вліяетъ на упадокъ вотскаго языка? Вліяетъ и непмѣніе письменъ на немъ, и разобщенность Вотяковъ между собою, но главнымъ образомъ русскій языкъ; онъ медленно, но вѣрно проникаетъ въ массу вотскаго населенія и вытѣсняетъ мало-по-малу вотскій языкъ. Во всѣхъ бойкихъ мѣстахъ Сарапульскаго уѣзда, каковы села и деревни при большихъ дорогахъ, каковы торговыя мѣстности и наконецъ поселенія русскія и вотскія вмѣстѣ,—всѣ Вотяки мужскаго пола обрусѣли на столько, что могутъ свободно изъясняться порусски, а многіе говорятъ очень правильно. Въ этихъ же мѣстахъ говорятъ порусски на половину и женщины. Не естественно ли, что съ употребленіемъ новаго языка практикуется менѣе старый, а слѣдовательно забывается и искажается. Держится вотскій языкъ еще болѣе или менѣе прочно въ глухихъ мѣстахъ, за лѣсами, но и здѣсь уже нельзя встрѣтить такого Вотяка, который бы такъ или иначе не могъ объясниться порусски. Правда, проникаетъ въ среду Вотяковъ русскій языкъ тотъ, который оказывается пригоднымъ въ практической ихъ жизни, тѣмъ не менѣе шагъ впередъ сдѣланъ: подъ вліяніемъ обыденной русской рѣчи Вотякъ начинаетъ оставлять мало-по-малу языческія вѣрованія и заблужденія, посѣщать усерднѣе церковь, охотнѣе отдавать дѣтей своихъ въ школу,—а послѣдняя служитъ надежнымъ залогомъ къ скорому обрусѣнію Вотяковъ въ смыслѣ дѣльныхъ членовъ русской семьи и усердныхъ сыновъ Христовой Церкви.

2007056283